

Остров Проклятых

Автор:

Деннис Лихэйн

Остров Проклятых

Деннис Лихэйн

Азбука-классика

Это зловещее место недаром называют остров Проклятых. На его скалистых берегах располагается тюремная больница для преступников. Именно сюда летом 1954 года прибывают судебные приставы Тедди Дэниелс и Чак Ауле, чтобы разобраться в тайне исчезновения одной из пациенток. Но это не единственная загадка, которую таит остров. И чем ближе герои подбираются к разгадкам, тем яснее им становится, что они могут навсегда остаться на острове. И дело не только в том, что на остров обрушился ураган, отрезавший его от внешнего мира. Люди, противостоящие героям, постараются сделать все, чтобы свести их с ума и запереть в больнице на острове...

Лауреат премии «Оскар» Мартин Скорсезе снял по бестселлеру «Остров Проклятых» одноименный фильм с Леонардо Ди Каприо, который собрал в мировом прокате около трехсот миллионов долларов.

Содержит нецензурную брань

Деннис Лихэйн

Остров Проклятых

Крис Глисон и Майку Эйгену.

Которые слушали. И слышали.

И порой взваливали на себя

...Нам мало видеть сны, мы еще должны с ними жить?

Элизабет Бишоп. Вопросы путешественника

SHUTTER ISLAND

by Dennis Lehane

Copyright © Dennis Lehane, 2003

All rights reserved

© С. Таск, перевод, 2014

© В. Пожидаев, оформление серии, 2012

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА

Пролог

Из дневников доктора Лестера Шина

3 мая 1993 года

Я не видел остров несколько лет. Последний раз – с яхты моего приятеля, вышедшей из бухты в залив. Остров был виден вдали, за внутренней грядой, в саване из летней дымки, случайный мазок краски на фоне неба.

Больше двух десятилетий на него не ступала моя нога, но Эмили говорит (иногда шутя, иногда нет), что ей сдается, будто я оттуда и не уезжал. Как-то она сказала, что для меня время – это серия закладок, с помощью которых я гуляю вперед-назад по тексту моей жизни, снова и снова возвращаясь к событиям, которые, с точки зрения моих проницательных коллег, показывают меня классическим меланхоликом.

Возможно, Эмили права. Она так часто бывает права.

Скоро я и ее потеряю. Вопрос нескольких месяцев, как сказал нам в четверг доктор Аксельрод. Совершите это путешествие, посоветовал он. То, о котором вы постоянно говорите. Флоренция, Рим, Венеция весной. Вы, Лестер, тоже в неважной форме, добавил он.

Пожалуй. В последнее время я стал частенько класть вещи не на свое место, особенно очки. И ключи от машины. Я вхожу в магазин и не помню, зачем пришел. Выхожу из театра и тут же забываю, о чем был спектакль. Если время для меня и вправду серия закладок, то ощущение такое, будто кто-то сначала так потрянул мою книжку, что из нее посыпались пожелтевшие полоски бумаги, оторванные спичечные этикетки и пластиковые палочки для размешивания кофе, а потом распрямил загнутые уголки.

Поэтому я хочу все записать. Не отредактировать текст, чтобы выставить себя в более выгодном свете. Нет, нет. Он бы этого не позволил. Ведь он по-своему ненавидел ложь, как никто другой. Просто хочется сохранить текст, перенести его из нынешнего хранилища (в котором, откровенно говоря, стало влажно и начались протечки) на эти страницы.

Больница «Эшклиф» располагалась на центральной равнине в северо-западной части острова. И вид, добавлю, имела самый благопристойный. Меньше всего она была похожа на больницу для невменяемых преступников и тем паче на

военные казармы, каковыми являлись изначально ее корпуса. Если на то пошло, она нам напоминала школу-интернат. В викторианской мансарде по соседству с главным зданием жил смотритель, а в красивом замке эпохи Тюдоров, где когда-то квартировал командующий северо-восточным прибрежным отрядом армии северян, проживал наш кадровик. За стеной располагались жилые дома сотрудников – причудливые коттеджи из дранки для клинических врачей, три приземистых общежития из шлакоблоков для санитаров, надзирателей и медсестер. Основную территорию больницы украшали лужайки и подстриженные живые изгороди, огромные тенистые дубы, шотландские сосны, аккуратные клены и яблони, плоды с которых поздней осенью бомбардировали крепостные стены и рассыпались по траве. А по бокам больницы, величественного здания из добротного гранита и темно-серых плит, стояли краснокирпичные близнецы в колониальном стиле. Дальше просматривались отвесные скалы и образованные приливами болота и полоса долины, где некогда возникла общественная ферма, захиревшая вскоре после американской революции. Посаженные еще тогда деревья – персиковые, грушевые, арония – выжили, но давно не плодоносили, и ночные ветра, налетающие на долину, порой завывали, как бродячие коты.

Ну и конечно форт стоял здесь задолго до появления больничного персонала и по-прежнему стоит, возвышаясь над южным мысом. И чуть поодаль маяк, потухший еще до Гражданской войны и ставший анахронизмом из-за действующего бостонского собрата.

Со стороны моря вроде бы ничего особенного. Но посмотрите глазами Тедди Дэниелса, увидевшего все это тихим сентябрьским утром 1954 года. Поросший кустарником пятачок посреди бухты. Не столько даже остров, сколько идея острова. Какое у него может быть предназначение, вероятно, подумал он. Вот именно, какое.

Самой большой популяцией у нас были крысы. Они шебуршали в кустах, по ночам выстраивались боевыми порядками вдоль берега, взбирались на мокрые скалы. Некоторые размером с камбалу. После тех четырех странных дней летом пятьдесят четвертого я не один год изучал поведение крыс из ложбины в холме с видом на северное побережье. К своему удивлению, я обнаружил, что отдельные крысы пытались доплыть до острова Паддок, в сущности, скалы в песочнице, двадцать два часа из двадцати четырех остававшейся под водой. Всякий раз, когда во время отлива островок появлялся над водой на час-полтора, они предпринимали заплыв, эти крысы, десяток, не больше, и всегда новый

прилив заставлял их вернуться восвояси.

Я сказал «всегда», но это не так. Я видел, как одна доплыла-таки. Всего один раз. В полнолуние перед осенним равноденствием, в октябре пятьдесят шестого. Я явственно разглядел черную тушку водяного щитомордника, прошмыгнувшего по отмели.

Или так мне показалось. Эмили, с которой я познакомился на острове, сказала мне: «Лестер, ты не мог ее разглядеть с такого расстояния».

Она права.

И тем не менее я видел своими глазами. Толстый щитомордник шмыгнул по жемчужно-серому песку, уходящему снова под воду с возвращением прилива, готового проглотить остров Паддок вместе с этой крысой, ибо назад она уже не приплыла.

И в ту минуту, когда она бежала по отмели (и все-таки я ее видел, видел, разрази меня гром), я подумал о Тедди. О Тедди и его несчастной покойной жене Долорес Шаналь и их клонах, Рейчел Соландо и Эндрю Лэддисе, этой жуткой парочке, устроившей у нас форменный погром. Если бы Тедди тогда сидел рядом со мной, подумал я, он бы тоже увидел эту крысу. Наверняка.

Скажу вам больше.

Тедди...

Он бы ей поаплодировал.

День первый

Рейчел

Отец Тедди Дэниелса был рыбак. Его моторку за долги забрал банк в тридцать первом, когда Тедди было одиннадцать лет, и в дальнейшем он нанимался на чужие, когда была работа, а когда не было, что-то разгружал в доках, а чаще, уже вернувшись домой к десяти утра, сидел в кресле, тупо разглядывал свои руки диковатыми мутными глазами и что-то шептал себе под нос.

Дэниелс-старший брал с собой Тедди рыбачить у островов еще ребенком, когда проку от него было не много. Все, что он умел, – это распутывать леску и отвязывать крючки. Случалось, он ранился, кровь выступала на пальцах, размазывалась на ладонях.

Они выходили в море затемно, и вот над окомоем появлялось солнце, словно вырезанное из холодной слоновой кости, и тогда из отступающей темноты выплывали острова, сбившись в кучу, как будто их поймали за чем-то предосудительным.

Взору Тедди открывался ряд приземистых светловатых лачуг на одном из островов, полуразрушенная усадьба из известняка на другом. Отец показывал пальцем: вон тюрьма на Диэре, а это мощный форт на Джордже. На острове Томпсон в кронах высоких деревьев гнездились птицы, и их гомон походил на удары градин по стеклу.

Дальше за ними лежал остров Проклятых, словно брошенный в море с проплывающего испанского галеона. Весной далекого двадцать восьмого его оставили один на один с собственной буйной растительностью, и расположенный на самой верхотуре форт был удушен вьющимися побегами и покрыт целыми шапками мха.

– Почему Проклятых? – поинтересовался Тедди.

Отец повел плечами:

– Вопросы. Вечно ты со своими вопросами.

– Нет, ну правда?

– Да просто так назвали, и слово прижилось. Может, пираты.

– Пираты? – Звучало красиво. Тедди сразу увидел рослых мужчин с повязкой на глазу, в высоких сапогах, с блестящими саблями.

Отец пояснил:

– В старые времена они тут прятались. – Его рука обвела горизонт. – На этих островах. Сами прятались, золото прятали.

Тедди представил себе кованые сундуки и как из-под крышки высыпаются монеты.

Через какое-то время его начало выворачивать наизнанку, снова и снова, черные потоки полились за борт.

Отец смотрел озадаченно, ведь прошло уже несколько часов, и океанская гладь безмятежно поблескивала. Он сказал:

– Все нормально. Твой первый выход в море. Так что нечего стыдиться.

Тедди кивнул и обтер рот тряпицей, которую ему протянул отец. А тот продолжал:

– Иной раз качку и не почувствуешь, пока она не заберется к тебе в кишки.

Тедди снова кивнул от невозможности сказать отцу, что качка тут ни при чем.

Это все вода, простиравшаяся вокруг, кроме нее, больше ничего в мире не осталось. Ему казалось, что сейчас она и небо проглотит. До этой минуты он и не думал, что они на свете так одиноки.

Он глядел слезящимися красными глазами на отца, повторявшего, что все будет нормально, и пытался выдавить из себя улыбку.

Летом тридцать восьмого его отец вышел из Бостона на китобойце и не вернулся. Лишь следующей весной на отмель Нантакета возле города Халл, где Тедди вырос, выбросило обломки корабля. Часть киля, нагревательная плитка с выгравированным на донце именем капитана, банки с консервированными помидорами и картофельным супом, пара ловушек для лобстеров, продырявленных и бесформенных.

Траурная церемония по четырем погибшим рыбакам состоялась в церкви Святой Терезы, задней своей стеной почти упиравшейся в море, унесшее столько ее прихожан. Тедди стоял рядом с матерью и слушал слова про капитана, и первого помощника, и третьего рыбака, старого морского волка по имени Джил Рестак, терроризировавшего бары города Халла с тех пор, как он вернулся с большой войны с раздробленной пяткой и ворохом страшных картин в башке. Но смерть, как сказал один из пострадавших от него барменов, ему все простила.

Владелец китобойца Никос Коста заявил, что почти не знал отца Тедди и взял его в последний момент, когда один из членов команды сломал ногу, упав с грузовика. Капитан тогда дал высокую оценку новичку, мол, любой в городе вам скажет, что свою работу он делает на ять. Разве может быть похвала выше этой?

Стоя в церкви, Тедди вспомнил тот день на отцовской моторке, после которого вместе в море они уже не выходили. Отец повторял, что они обязательно выйдут, но Тедди понимал, с какой целью это говорится: чтобы помочь ему сохранить остатки гордости. Отец никогда не вспоминал о том злополучном дне, но когда они возвращались через архипелаг – остров Проклятых остался сзади, Томпсон впереди, а до их родного города рукой подать, и весь он был виден так отчетливо, что, кажется, можно ратушу поднять вверх за шпиль, – что-то такое промелькнуло в его взгляде.

– Это море, – сказал отец, легонько потирая сыну спину, пока они стояли, прислонившись к корме. – Одни здесь себя находят. Других оно себе подчиняет.

И при этом он так посмотрел на Тедди, что не трудно было догадаться, в какую категорию тот, скорее всего, попадет.

Чтобы добраться сюда в пятьдесят четвертом, им пришлось сесть на городской паром и миновать череду богом забытых островков – Томпсон и Спектэкл, Грейп

и Бампкин, Рэйнфорд и Лонг, – лепившихся на морском скальпе песчаными заплатками, пучками цепких деревьев и скалистыми грядами, выбеленными, как кости. Если не считать планового завоза продовольствия по четвергам и субботам, паром ходил от случая к случаю, и в такие дни вельбот был совершенно гол – лишь обшитое металлическим листом днище да две железные скамьи по бортам под иллюминаторами. Скамьи были прикручены болтами к днищу и дополнительно к массивным черным боковым стойкам, с которых такими вермишелинами свисали ручные кандалы на цепях.

Но нынче паром вез не душевнобольных, а только Тедди и его нового партнера Чака Ауле, а также мешки с почтой и ящики с медикаментами.

Для Тедди путешествие началось в обнимку с унитазом, а мотор тарахтел и пыхтел, и у него в ноздрях маслянистый запах бензина смешивался с запахом августовского моря. Хотя из Тедди не выходило ничего, кроме жалких водянистых струек, горло продолжали душить спазмы, желудок ощущался где-то в самом низу, а перед носом крутились и помаргивали воздушные пылинки.

В качестве заключительного аккорда вместе с застрявшим в нем кислородным пузырем из него с грохотом разорвавшейся бомбы, похоже, вылетел кусок грудной клетки, после чего он уселся на железный пол и, вытирая лицо носовым платком, подумал, что это не самый лучший способ начинать партнерские отношения.

Он представил себе, как Чак, вернувшись домой, говорит жене, если она у него, конечно, есть – в сущности, они еще ничего друг о друге не знали, – вспоминая о первом знакомстве с легендарным Тедди Дэниелсом: «Я ему, милая, так понравился, что его вывернуло наизнанку».

С той памятной рыбалки в детстве Тедди никогда не испытывал радости от нахождения на воде, от этого тотального отсутствия земли, которая ему всюду грезилась, от невозможности потрогать нечто твердое, чтобы при этом твоя рука не растворилась в текучей субстанции. Ты говорил себе «все нормально» – без этих слов как преодолевать водные пространства? – но как бы не так. Даже в разгар войны больше всего его страшило не боевое десантирование, а последние метры от плавсредства до берега, когда ботинки вязнут в иле и непонятные существа юркают между ног.

И сейчас он бы предпочел находиться на палубе, встретить вызов на свежем ветру, а не здесь, скрюченный, в липком поту.

Убедившись, что приступ миновал, что желудок больше не пучит и голова не кружится, он вымыл лицо и руки и придирчиво осмотрел себя в зеркальце над раковиной, изъеденном морской солью, так что в середине осталось лишь крохотное пятно, в котором отражался еще довольно молодой человек с казенной короткой стрижкой правительственного чиновника. Лицо же его несло на себе печать военных и последующих лет, а глаза, которые Долорес однажды назвала «тоскливыми, как у собаки», выдавали его двойную склонность – к погоням и насилию.

Откуда столько суровости в мои-то годы, подумал про себя Тедди.

Он поправил ремень так, чтобы кобура оказалась на боку. Взял шляпу со сливного бачка, нахлобучил на голову и сдвинул немного набекрень. Затянул потуже узел на галстуке. Цветастый яркий галстук из тех, что уже год как вышли из моды, но он по-прежнему его носил, так как это был ее подарок: в день своего рождения он сидел в гостиной, когда она подошла сзади и закрыла ему глаза этим галстуком. Прижалась губами к его кадыку. Положила ему на щеку теплую ладонь. Ее язычок пахнул апельсином. Она оседлала его и только тогда убрала галстук, но Тедди продолжал держать глаза закрытыми. Чтобы чувствовать ее запах. Рисовать ее в своем воображении. Создавать и удерживать в своих мыслях.

Он до сих пор не утратил этой способности: закрыть глаза и ясно увидеть ее перед собой. Правда, в последнее время то мочка уха, то ресницы, то контуры волос стали покрываться белыми пятнами. Пока это не мешало ее восприятию в целом, но уже закрадывался страх, что время хочет ее украсть у него и мало-помалу обглаживает, разъедает эти картинки у него в голове.

– Я по тебе скучаю, – сказал он вслух и отправился на бак.

Хотя здесь было тепло и ясно, в воде просматривалось что-то темное, тронутое ржавчиной, что-то зловеще серело, намекая на придонные буйные заросли.

Чак отхлебнул из фляжки и повернул лицо с вопросительно вздернутой бровью в сторону приближающегося напарника. Тедди отрицательно покачал головой, и

Чак сунул фляжку обратно в карман пиджака, запахнул полы плаща и посмотрел на море.

– Ты как? – спросил он. – Малость сбледнул.

Тедди пожал плечами:

– Я в порядке.

– Уверен?

Тедди кивнул:

– Еще не обвык.

Они молча постояли, вокруг них покачивались волны, и отдельные темные сегменты казались гладкими, как бархат.

– Знаешь, когда-то там был лагерь для военнопленных, – сказал Тедди.

– На острове? – уточнил Чак.

Тедди кивнул:

– В Гражданскую. Там возвели форт, построили казармы.

– А как они его используют сейчас?

Тедди пожал плечами:

– Понятия не имею. Тут были форты на разных островах. Во время войны артиллеристы пристреливали по ним орудия. Так что не многие уцелели.

– А больница?

– Насколько я понимаю, она помещается в бывших казармах.

– Вроде как возвращение в учебку? – сказал Чак.

– Лучше не надо. – Тедди, опираясь на поручень, повернул к нему лицо. – Расскажи про себя.

Чак улыбнулся. Он был коренастее и приземистее своего напарника, где-то сто семьдесят пять, вьющиеся черные волосы, оливковая кожа, изящные маленькие руки, которые как-то не вязались с его фактурой, как будто он одолжил их на время, пока из мастерской не пришлют настоящие. На левой щеке у него был косой шрам, который он сейчас потыкал указательным пальцем.

– Я всегда начинаю со шрама, – сказал он. – Все рано или поздно спрашивают.

– Ну и?

– Это не война, – продолжал он. – Моя подружка говорит: «Скажи, война, – и закрой тему», но... – Он передернул плечами. – На самом деле, игра в войну. Мальчишки. В лесу палили друг в друга из рогаток. Приятель стрельнул в меня и не попал, значит, я в порядке, правильно? – Тут он помотал головой. – Камень попал в ствол, и отлетевший кусок коры полоснул по щеке. Отсюда шрам.

– Войнушка, значит.

– Вот-вот.

– Ты сюда перевелся из Орегона?

– Из Сиэтла. На той неделе.

Тедди ждал пояснения, но оно не последовало.

– А в судебных приставах давно?

– Четвертый год.

– Тогда ты в курсе, какой это узкий круг.

– Ну да. Ты хочешь услышать, почему я перевелся. – Чак покивал, что-то для себя решая. – А если я скажу, что меня достали дожди?

Тедди развел ладони в стороны примирительным жестом:

– Как скажешь...

– Но ты прав, это узкий круг. Все друг друга знают. Так что рано или поздно – как это говорится? – сорока принесет на хвосте.

– Точно.

– Это ведь ты поймал Брека?

Тедди кивнул.

– Как ты догадался, где его искать? Полсотни следаков отправились в Кливленд, и только ты один в Мэн.

– Однажды мальчишкой он там отдыхал с семьей. Помнишь, что он проделывал со своими жертвами? Обычно это проделывают с жеребцами. Я поговорил с его теткой. Она мне рассказала: в детстве он был по-настоящему счастлив один раз – на ферме, где выращивали племенных жеребцов, неподалеку от коттеджа, который снимала его семья в штате Мэн. Поэтому я отправился туда.

– Пять пуль в него всадил, – сказал Чак, разглядывая пену внизу.

– И еще столько же всадил бы, – сказал Тедди. – Но больше не понадобилось.

Чак понимающе кивнул и сплюнул через перила.

– Подружка у меня японка. То есть родилась здесь, но... Выросла в лагере для интернированных. В тех краях – Портленд, Сиэтл, Такома – до сих пор сохраняется напряжение. Людям не нравится, что я с ней.

– Поэтому тебя перевели.

Еще кивок, еще плевок. Чак проследил, как тот упал в бурлящую пену.

– Говорят, это будет нечто, – сказал он.

Тедди снял локти с перил и выпрямился во весь рост. Лицо его было мокрым, на губах соль. Удивительно, что море его все-таки достало, хотя он не помнил, чтобы брызги до него долетали. В поисках пачки «Честерфилда» он похлопал себя по карманам дождевика.

– Кто говорит? И о чем?

– Газеты, – ответил Чак. – Про будущий шторм. Обещают что-то особенное. Грандиозное. – Он махнул рукой в сторону неба, белого, как кипящая пена под носовой частью. Там, вдоль южной кромки, выстроились шеренгой пунцовые барашки, расползавшиеся чернильными пятнами.

Тедди потянул носом воздух.

– Ты ведь помнишь войну, Чак?

Видя ухмылочку своего партнера, Тедди подумал: быстро же мы настроились на одну волну и смекнули, как подначивать друг дружку.

– Смутно, – ответил Чак. – В основном помню строительный мусор. Кучи мусора. Обычно люди говорят о мусоре пренебрежительно, а по-моему, он занимает свое законное место. В нем есть своя, так сказать, эстетическая красота. Ибо все в глазах смотрящего.

– Прямо как по писаному. Тебе это никогда не говорили?

– Случалось. – Перегнувшись через перила, чтобы размять спину, Чак подарил морю очередную улыбочку.

Тедди похлопал себя по карманам брюк, порылся во внутренних карманах пиджака.

– Бывало, боевые задания зависели от прогнозов погоды, ты помнишь?

Чак потер щетину на подбородке тыльной стороной ладони.

– Как не помнить.

– И как часто эти прогнозы сбывались?

Чак нахмурил брови, давая понять своему напарнику, что он всерьез обдумывает этот вопрос. Потом почмокал губами и сказал:

– Процентов тридцать, пожалуй.

– В лучшем случае.

Чак кивнул:

– В лучшем случае.

– И теперь, когда мы вернулись на гражданку...

– Еще как вернулись, – вставил Чак. – Можно сказать, угнездились.

Тедди с трудом сдержался, чтобы не рассмеяться. Этот парень нравился ему все больше. Во сказанул.

– Угнездились, – согласился он. – Так почему ты должен верить этим прогнозам сейчас больше, чем верил тогда?

Над горизонтом показалась верхушка треугольника.

– Вообще-то, я не уверен, что моя вера измеряется в таких понятиях, как «больше» или «меньше», – сказал Чак. – Дать сигаретку?

Тедди, который уже по второму разу похлопывал себя по карманам, неожиданно замер, поймав на себе взгляд Чака. Ухмылочка отпечаталась на лице его напарника аккурат под шрамом.

– Когда мы садились на паром, пачка была в кармане, – сказал Тедди.

Чак мотнул головой в сторону берега:

– Чиновный люд. Обчистят, и не заметишь.

Он вытряхнул сигарету из пачки «Лакиз», протянул товарищу и щелкнул медной зажигалкой «Зиппо». Пахнуло бензином, который сразу забил солоноватый морской воздух и проник Тедди в самое горло. Чак защелкнул крышку зажигалки, тут же снова открыл одним движением кисти и закурил сам.

Тедди выдохнул, и треугольничек острова на мгновение исчез в сигаретном дыме. А Чак продолжал философствовать:

– На Тихоокеанском театре военных действий, когда от метеосводки зависело, отправят тебя десантироваться с парашютом или морем высадят на берег, ставки-то были повыше, а?

– Да уж.

– А тут можно без особого риска сомневаться что в одну сторону, что в другую. Так мне сдается, босс.

То, что прежде казалось верхушкой треугольничка, постепенно разрасталось, уже прорисовывалось основание, а когда морская гладь сомкнулась вокруг островка земли, они стали различать и цвета, словно кто-то поработал кистью: матовая зелень дикой растительности, коричневатая полоска отмели, охряные скалы на северной стороне. А когда они подобрались еще ближе, на возвышенности обнаружились плосковатые коробочки домов.

– Жаль, – сказал Чак.

– Ты о чем?

– О цене прогресса. – Он поставил одну ногу на буксирный канат и облокотился о перила рядом с Тедди; они оба наблюдали за попыткой острова самоопределиться. – При нынешних подвижках в области душевного здоровья – а подвижки есть, можешь не сомневаться, причем каждый день, – больница вроде этой исчезнет. Через двадцать лет люди назовут это заведение варварским. Побочным продуктом Викторианской эпохи. Исчезла, скажут они, и слава богу. Слияние и поглощение, скажут они. Таково веяние времени. Сворачивайте лавочку. Мы вас успокоим. Возродим к жизни. Мы, судебные приставы общей юрисдикции. Мы – новое общество, в котором нет места для исключений. Забудьте про Эльбу.

Хотя дома снова спрятались за деревьями, Тедди мог разглядеть пока неясные очертания конической башни, а затем и жесткие прямые углы старого форта, как ему показалось.

– Но должны ли мы отбросить наше прошлое, дабы обеспечить себе будущее? – Чак выкинул окурок в морскую пену. – Вот в чем вопрос. Скажи мне, Тедди, что ты теряешь, подметая пол? Правильно: пыль. Крошки, привлекающие муравьев. А как насчет серьги, которую она потеряла? Считать ее тоже мусором?

– Кто это «она»? И откуда «она» вдруг взялась, Чак?

– В каждой истории присутствует она. Разве нет?

Вой мотора сменил тональность, палуба дернулась под ногами, и, по мере того как паром стал заходить с западной стороны острова, обрисовались очертания форта на вершине южной скалы. Пушки отсутствовали, но орудийные башни хорошо просматривались. Земля простиралась до подножия холмов позади форта, и где-то там, подумал Тедди, сливаясь с пейзажем, высятся стены, а за утесами западного побережья должна находиться больница «Эшклиф».

– У тебя есть девушка, Тедди? – спросил Чак. – Или ты женат?

– Был. – Тедди увидел картинку: на него, обернувшись, смотрит Долорес во время их медового месяца, ее подбородок почти касается голого плеча, и видно, как играют плечевые мышцы. – Она умерла.

Чак отстранился от перил, шея его порозовела.

– О господи.

– Да ладно, – сказал Тедди.

– Нет-нет, – протестуя поднял перед собой ладонь Чак. – Как же... я ведь про это слышал. Не понимаю, как я мог забыть. Это случилось пару лет назад, да?

Тедди кивнул.

– Господи, Тедди. Я чувствую себя идиотом. Правда. Извини.

Новая картинка перед глазами. Долорес со спины: что-то напевая, она уходит по коридору в его старой армейской рубашке, а потом сворачивает в кухню, и на него обрушивается знакомая тяжесть. Чего бы только он сейчас не сделал – даже поплавал бы в этой воде, – только бы не говорить о Долорес, о том, как тридцать один год она жила на этой земле и вдруг – пуфф! Исчезла, словно и не существовала. Утром, когда он уходил на работу, была. А вечером, когда вернулся, уже нет.

Но это как со шрамом Чака – история, которую надо рассказать, чтобы двигаться дальше, иначе она будет постоянно между ними возникать. Как? Где? Почему?

Долорес ушла два года назад, но в его снах она неизменно оживала, а по утрам ему иной раз казалось, что она хлопчет на кухне или пьет кофе на крыльце их многоквартирного дома в Баттонвуде. Мозг играл с ним злые шутки, что правда, то правда, однако Тедди давно свыкся с этой логикой – в конце концов, пробуждение сродни появлению на свет. Ты вылезал на поверхность, не имея за спиной никакого шлейфа, и потом еще долго моргал и зевал, собирая по крупицам свое прошлое и складывая осколки в хронологическом порядке, прежде чем храбро войти в настоящее.

Куда жесточе были ассоциации с женой, которые вроде бы алогичный перечень предметов или свойств мог вызвать в его голове в одно мгновение, подобно вспыхнувшей спичке. Поди угадай, что окажется провокацией в следующий раз: солонка на столе, походка незнакомки на оживленной улице, бутылка кока-колы,

след губной помады на стекане, декоративная подушка?

Но из всех спусковых механизмов ни один не выглядел менее логичным, если говорить о смысловых ассоциациях, и не разил сильнее, если иметь в виду эффект воздействия, чем вода, текущая из крана, барабанящая с небес, в виде лужи на тротуаре или, как сейчас, раскинувшаяся на многие мили вокруг.

– В нашем жилом доме случился пожар, – начал Тедди. – Я был на работе. Четыре человека погибли. Включая ее. От дыма, Чак, не от огня. Так что боли перед смертью не было. Страх? Наверно. Но не боль. Это важно.

Чак еще отхлебнул из фляжки и снова предложил ее напарнику. Тедди помотал головой:

– Я завязал. После пожара. Ее это, знаешь, напрягало. Солдаты и копы слишком много пьют, говорила она. Так что... – Он почувствовал смущение Чака, как оно его тяготит, и добавил: – Со временем научаешься тянуть лямку. У тебя нет выбора. Это как со всем этим дерьмом на войне, правильно?

Чак кивнул с отрешенным лицом и легким прищуром – ушел в воспоминания.

– Так уж повелось, – выдохнул Тедди.

– Ну да, – не сразу отозвался Чак. Он был все еще красный от смущения.

Причал возник, словно в результате светового трюка, издали такая полоска жевательной резинки, крошечная, серенькая.

После объятий с унитазом Тедди ощущал обезвоженность организма, а еще некоторую усталость от разговора. Он хоть и научился тянуть лямку, а все же нет-нет да и выбивался из сил. За левым глазом поселилась тупая боль, как будто к веку кто-то приложил ложку. Пока трудно было сказать, побочный ли это эффект от обезвоживания, первые признаки обычной головной боли или намек на кое-что похуже – одну из тех мигреней, которые терзали его с юношеских лет и порой достигали такой силы, что он переставал видеть левым глазом и свет превращался в градопад раскаленных гвоздей, а однажды (слава богу, лишь однажды) на полтора дня он оказался частично парализован. Эти мигрени, по

крайней мере в его случае, никогда не приходили в разгар напряжения или работы, только потом, в минуты покоя, после падения снарядов, после окончания погони. Пика же достигали в базовом лагере или казармах, ну а в мирное время – в мотелях или в машине по дороге домой. Как Тедди уже давно успел усвоить, хитрость заключалась в том, чтобы не сбавлять обороты и сохранять концентрацию. Пока ты бежишь, они тебя не настигнут.

– Что-нибудь слышал про это место? – поинтересовался он у Чака.

– Психбольница. Вот все, что я знаю.

– Для невменяемых преступников, – уточнил Тедди.

– Иначе нас бы сюда не направили, – сказал Чак.

Опять эта сухая ухмылочка.

– Как знать, Чак. Ты не производишь впечатление стопроцентно уравновешенного человека.

– Может, пока мы здесь, я забронирую себе кроватку на будущее. Пусть поддержат.

– Неплохая мысль.

Мотор ненадолго заглох, пока паром разворачивался вправо вместе с течением, а затем снова затарахтел. Перед ними теперь было открытое море, а паром кормой подплывал к причалу.

– Насколько мне известно, они применяют радикальные подходы, – сказал Тедди.

– Красная зона?

– Нет. Просто радикальные. Есть разница.

– В последние годы она стирается.

– Бывает, – согласился Тедди.

– А эта сбежавшая пациентка?

– Про нее я мало что знаю, – сказал Тедди. – Прошлой ночью она слиняла. Ее имя записано у меня в блокноте. Остальное, надеюсь, они нам расскажут.

Чак оглядел бескрайнее водное пространство:

– Куда ей деваться? Поплыла домой?

Тедди пожал плечами:

– Наверняка их пациенты находятся в плену разных иллюзий.

– Шизофреники?

– Почему нет. Сомневаюсь, что ты здесь увидишь обычных монголоидов. Или какого-нибудь типа, которого пугают трещины в асфальте, или беспробудную соню. Насколько я мог понять из дела, тут настоящие психи.

– И сколько из них, по-твоему, придуриваются? – спросил Чак. – Меня это давно занимает. Помнишь «восьмерок»? [1 - «Восьмерка» – солдат, комиссованный из американской армии по восьмой статье: «Серьезное умственное расстройство». (Здесь и далее прим. перев.)] на войне? Сколько из них, как ты думаешь, были действительно психами?

– Был у нас, в Арденнах, один тип...

– Ты был в Арденнах?

Тедди кивнул.

– Однажды он проснулся и заговорил задом наперед.

– Слова?

– Предложения. Например: «Крови следы тут, глядите, сержант». А вечером, сидя в окопе, он охаживал себя по голове камнем. Методично так стучал. Мы офонарели и даже не сразу поняли, что он выцарапал себе глаза.

– Иди ты.

Тедди покачал головой, словно сам себе не веря.

– Через несколько лет мне рассказал один парень, что в госпитале для ветеранов в Сан-Диего вместе с ним был слепой, который говорил задом наперед. Его разбил паралич, и врачи не могли установить причину. Парень сидел у окна в инвалидном кресле и весь день разглагольствовал про свой урожай зерновых. А вырос он, между прочим, в Бруклине.

– Да, когда парень из Бруклина считает себя фермером, это, пожалуй, тянет на восьмую статью.

– Я тоже так думаю.

2

На причале их встретил Макферсон, помощник смотрителя заведения, достаточно молодой для своей должности, с длинноватыми, не по уставу, блондинистыми волосами. В его движениях сквозила томная грация, которая у Тедди ассоциировалась с техасцами либо с лошаdnиками.

Он стоял в окружении санитаров, в основном негров, у белых же лица были каменные, как будто в младенчестве их недокормили и они выросли чахлыми и недовольными.

Санитары в белых рубашках и белых брюках ходили стадом. На Тедди с Чаком они даже не посмотрели. Они ни на что не смотрели, просто подошли к парому и

остановились в ожидании, пока его разгрузят.

По просьбе Макферсона Тедди и Чак предъявили свои удостоверения, и он их долго изучал с прищуром, сравнивая фотографии с лицами владельцев.

– Кажется, до сих пор я никогда не видел удостоверение судебного пристава, – признался он.

– А тут сразу два, – сказал Чак. – Знаменательный день.

Макферсон ответил ему ленивой ухмылкой и вернул удостоверение.

Над береговой линией море хорошо поработало за эти две-три ночи: она была вся завалена ракушками, сплавным лесоматериалом, остовами моллюсков и полуобглоданными дохлыми рыбешками, над которыми потрудились неизвестные падальщики. Тедди обратил внимание на мусор, прибитый течением из внутренней гавани, – пустые банки, размякшие бумажки, номерной знак, вытравленный водой и солнцем. В основном на острове росли сосны и клены, худосочные, побитые ветрами, а сквозь просветы деревьев, на вершине склона, можно было разглядеть отдельные строения.

Долорес, любившая загорать, наверное, оценила бы это место по достоинству, ну а что касается Тедди, то он воспринимал нестихающий бриз как угрозу океана, что тот готов в любой момент вцепиться в него когтями и уволочь на дно.

Санитары снесли на причал мешки с почтой и коробки с медикаментами и погрузили их на ручные тележки, а Макферсон расписался в акте за полученный товар и передал его одному из паромщиков.

– Ну, мы тогда отчаливаем, – сказал тот.

Макферсон щурился на солнце.

– Шторм, – продолжал паромщик. – Никто не знает, чего от него ждать.

Макферсон покивал.

– Мы свяжемся со станцией, когда придет время нас забирать, – сказал Тедди.

Паромщик согласно кивнул.

– Шторм, – повторил он.

– Да-да, – подал голос Чак. – Мы учтем.

Макферсон вел их вверх по тропинке, полого поднимавшейся среди деревьев. Когда они кончились, тропинка уткнулась в мощеную дорогу, этакую ухмылочку на их пути, в уголках которой стояли два дома. Тот, что слева, попроще, представлял собой красно-коричневый викторианский особнячок с мансардой и маленькими оконцами в черной оправе – такие местные дозорные. Тот, что справа, смахивал на тюдоровский замок.

Они двинулись дальше вверх по крутому склону, поросшему буйной армерией, пока не вышли на поросшее травой плато, а вскоре и на вполне традиционную лужайку, растянувшуюся на несколько сотен ярдов, вплоть до стены из оранжевого камня, которая, как казалось, тянется вокруг всего острова. Эту трехметровую стену венчала проволока под током, и, глядя на нее, Тедди почувствовал внезапную жалость к тем, кто находился по ту сторону стены и, прекрасно понимая ее назначение, отдавал себе отчет в том, что мир всеми правдами и неправдами желает удержать их в заточении. Двигаясь вдоль стены, мужчины в синей униформе что-то разглядывали на земле.

– Тюремные охранники в клинике для душевнобольных, – заметил вслух Чак. – То еще зрелище, мистер Макферсон, уж извините.

– У нас больница строгого режима, – отозвался Макферсон. – Мы работаем по двум лицензиям – от Массачусетского департамента по охране душевного здоровья и от федерального управления тюрем.

– Я понимаю, – сказал Чак. – Просто интересно... вам, ребята, наверно, есть о чем поговорить за ужином?

Макферсон улыбнулся и покачал головой.

Тедди обратил внимание на брюнета в такой же униформе, что и остальные охранники, только с желтыми эполетами и стоячим воротничком, а также с золотым беджиком на груди. Он единственный шагал с поднятой головой, заложив руку за спину, и Тедди сразу вспомнил встречавшихся ему во время войны полковников, считавших свое командование ношей, которую на них взвалила даже не армия, а сам Господь Бог. Вторая рука прижимала к груди черную книжицу. Он кивнул в их сторону и начал спускаться по тому же склону, и никакой бриз не мог пошевелить его ежик.

– Смотритель, – сказал Макферсон. – Вы с ним познакомитесь позднее.

Тедди кивнул, а сам подумал, что ему мешает познакомиться с ними сейчас. А тем временем смотритель скрылся за гребнем.

Один из санитаров открыл ключом ворота в стене и распахнул створ, после чего тележки въехали на территорию. К Макферсону подошли два охранника и встали по бокам. Он же распрямился во весь свой рост и, обращаясь к судебным приставам, официальным тоном произнес:

– Я должен ввести вас в курс дела.

– Давайте.

– Господа, вы будете приняты со всем уважением, вам будет оказана необходимая помощь. Ну а вы во время своего короткого визита будете вести себя в рамках протокола. Ясно?

Тедди кивнул, а Чак сказал:

– Так точно.

Макферсон сфокусировал взгляд на точке поверх их голов.

– Доктор Коули наверняка разъяснит вам детали протокола, но хочу сразу подчеркнуть: бесконтрольные контакты с пациентами запрещены. Ясно?

Тедди чуть не сказал «да, сэр», как будто дело происходило в тренировочном лагере, но в результате отделался коротким «да».

– Корпус А, для мужчин, за моей спиной, справа. Корпус В, для женщин, слева. Корпус С за этими скалами, позади комплекса и казарм для персонала, в помещении бывшего Уолтонского форта. Вход в корпус С только с письменного разрешения и в присутствии смотрителя больницы и доктора Коули. Ясно?

Оба пристава кивнули. Макферсон протянул свою лапищу, словно обращаясь с мольбой к солнечному светилу:

– А сейчас прошу вас сдать оружие.

Чак посмотрел на Тедди. Тот покачал головой и сказал:

– Мистер Макферсон, мы являемся официально назначенными судебными приставами и по уставу обязаны находиться при оружии двадцать четыре часа в сутки.

Голос Макферсона разрезал воздух, как стальной кабель:

– Статья триста девяносто первая федерального закона о пенитенциарных учреждениях и заведениях для невменяемых преступников гласит, что требование о ношении оружия гражданскими лицами может быть отменено как их непосредственным начальством, так и лицами, отвечающими за работу и меры предосторожности в тюрьмах и психлечебницах. Господа, вы находитесь под юрисдикцией этой поправки. С оружием вы не войдете в ворота больницы.

Тедди посмотрел на Чака. Тот уставился на протянутую ладонь и пожал плечами.

– Мы хотим, чтобы это было зафиксировано, – сказал Тедди.

Макферсон повернулся к одному из сопровождающих:

– Охранник, прошу зафиксировать факт применения поправки в отношении судебных приставов Дэниелса и Ауле.

– Есть, сэр.

– Господа? – повторил Макферсон.

Охранник справа от него раскрыл небольшую кожаную сумку.

Тедди поднял полу плаща и вытащил из кобуры служебный револьвер. Движением кисти открыл барабан и положил оружие в протянутую ладонь. Макферсон передал его охраннику, тот спрятал оружие в кожаную сумку, Макферсон же повторно протянул ладонь.

Чак, в отличие от Тедди, какое-то время возился с кобурой, но Макферсон, не выказывая нетерпения, ждал, пока тот неуклюже положит револьвер на его широкую ладонь.

Макферсон передал оружие охраннику, тот пополнил содержимое сумки и прошел в ворота.

– Ваше оружие будет храниться в комнате личных вещей рядом с офисом смотрителя, – голос Макферсона прошелестел, как листья на ветру, – в главном здании, которое находится в центре комплекса. Вы его заберете в день отъезда. – Он снова позволил себе ковбойскую ухмылочку. – Ну что, официальная часть на сегодня закончена. Не знаю, как вы, а лично я вздохну с облегчением. Как вы насчет того, чтобы познакомиться с доктором Коули?

Он повел их вперед, ворота за ними закрылись.

По обе стороны от главной дорожки, вымощенной тем же кирпичом, из которого была сложена стена, раскинулись лужайки. За травой, и деревьями, и клумбами, и даже за кустами роз, высаженными вдоль здания больницы, ухаживали садовники с кандалами на ногах, под присмотром санитаров. Другие пациенты, тоже в кандалах, прохаживались по территории утиными шажками. В основном мужчины, лишь несколько женщин.

– Видели бы вы старые фотографии, – сказал Макферсон. – Когда сюда приехали первые врачи, тут были сплошные заросли армерии и кустарник. – А сейчас...

Справа и слева от больницы стояли два одинаковых здания из красного кирпича в колониальном стиле с цоколем, покрашенным в яркий белый цвет, зарешеченными окнами и переплетами, пожелтевшими от морских испарений. Сама больница, из отполированного морской стихией камня и покрашенная в угольно-черный цвет, имела шесть этажей, и сверху к гостям внимательно приглядывались мансардные окна.

– Здание построили перед Гражданской войной для штаба батальона, – пояснил Макферсон. – Очевидно, были планы использовать его как тренировочную базу, но, когда война стала неизбежной, все переключились на форт, а здесь позднее разместили военнопленных.

Тедди смотрел на башню, которую заметил еще с паром. Ее макушка выглядывала из-за верхушек деревьев в дальнем конце острова.

– Что за башня?

– Старый маяк, – ответил Макферсон. – В этом качестве не используется с начала восьмисотых годов. Я слышал, что армия северян держала на нем сторожевых наблюдателей, ну а теперь мы там обрабатываем...

– Пациентов?

Он помотал головой:

– Сточные воды. Вы не поверите, какую только дрянь к нам не приносит. С паром все выглядит красиво, но отходы целого штата, попадающие из рек в эту гавань, в конце концов оказываются у нас.

– Потрясающе, – сказал Чак, щурясь на солнце, и затянулся сигаретой, чтобы подавить зевок.

– Там, ближе к стене, – Макферсон махнул рукой в сторону корпуса В, – стоит дом командующего северян. Вы могли его заметить, когда поднимались на гору. Тогда он обошелся в кругленькую сумму, и, когда дядя Сэм получил счет, командующего сняли с должности. Этот дом стоит посмотреть.

– И кто там сейчас живет? – спросил Тедди.

– Доктор Коули, – ответил Макферсон. – И смотритель больницы. Эти двое создали здесь нечто уникальное.

Они огибали комплекс с тыла, встречая по дороге новых садовников в кандалах, за которыми присматривали санитары; многие мотыжили суглинок возле задней стены. Одна садовница, женщина средних лет с жиденькими пшеничными волосами, просвечивавшими на макушке, вытаращилась на Тедди и приложила палец к губам. На ее шее выделялся багровый шрам размером с лакричную конфету. Она улыбнулась ему, не отнимая пальца от губ, и медленно, в знак запрета, покачала головой.

– Коули в своей области человек легендарный, – говорил Макферсон, пока они огибали здание больницы. – Лучший студент, что в Джоне Хопкинсе, что в Гарварде, опубликовал свою первую работу по патологии бреда в двадцать лет. Многократно консультировал Скотленд-Ярд, МИ-6 и УСС[2 - УСС – Управление стратегических служб США.].

– Зачем?

– Зачем? – переспросил Макферсон.

Тедди кивнул. Вопрос казался ему логичным.

– Ну... – Макферсон был в замешательстве.

– Взять УСС, для начала, – сказал Тедди. – Зачем им консультироваться с психиатром?

– Военная область, – наконец ответил Макферсон.

– Допустим. – Тедди говорил с расстановкой. – А конкретнее?

– Информация засекреченная, – сказал Макферсон. – Так я предполагаю.

– Какая же она засекреченная, если мы об этом говорим? – заметил Чак, переглянувшись с напарником.

Макферсон, уже поставивший ногу на ступеньку лестницы, что вела к дверям больницы, застыл в растерянности. Он скользнул взглядом по изгибу оранжевой стены, а затем сказал:

– Спросите у него сами. У него как раз должно было закончиться совещание.

Они поднялись по ступенькам и вошли в отделанное мрамором фойе, увенчанное купольным сводом с кессонами. Перед ними с характерным звуком открылись автоматические двери, и они очутились в большой приемной, где за столами, справа и слева, сидели санитары, а вглубь уходил длинный коридор, упиравшийся в еще одни автоматические двери. У подножия лестницы, пока Макферсон записывал все три фамилии в реестр, они предъявили свои удостоверения санитару, тот сравнил их фото с подлинниками и вернул их владельцам. За спиной у санитаря, в зарешеченной клетушке, сидел мужчина в такой же униформе, как смотритель больницы; за ним, на стене, висели ключи.

Они поднялись на второй этаж и свернули в коридор, пропахший лесным мылом. Дубовый пол блестел, отражая свет, проникавший через большое окно в конце коридора.

– Охранников у вас хватает, – сказал Тедди.

– Мы принимаем все меры предосторожности, – отозвался помощник смотрителя.

– За что общественность вам благодарна, мистер Макферсон, не сомневаюсь, – вставил Чак.

– Поймите одну вещь. – Макферсон снова обращался к Тедди. Они шли мимо закрытых кабинетов с именами врачей на серебряных табличках. – Другого такого заведения в стране просто нет. Мы принимаем самых сложных пациентов. Тех, с кем больше ни одна больница не справится.

– Здесь находится Грайс, верно? – спросил Тедди.

Макферсон кивнул:

– Винсент Грайс, да. В корпусе С.

– Грайс – это тот, который... – обратился Чак к напарнику.

– Да. Укокошил всю свою родню, потом скальпировал и сделал себе из их скальпов головные уборы.

– И в них разгуливал по городу, – продолжил Чак.

– Если верить газетам.

Они остановились перед двустворчатой дверью. Медная табличка гласила:

НАЧМЕД ДОКТОР ДЖ. КОУЛИ

Макферсон, взявшись за ручку двери, повернулся к ним и посмотрел пронзительным взглядом.

– В менее просвещенный век, – сказал он, – этого Грайса посадили бы на электрический стул. А здесь его изучают, выявляют патологию, возможно, даже сумеют купировать отклонения в мозгу, заставившие его столь радикально нарушить общепринятые нормы поведения. Если так, то можно надеяться, что наступит день, когда подобные аномалии в нашем обществе будут полностью искоренены.

Его пальцы застыли на дверной ручке. Казалось, он ждал ответной реплики.

– Мечтать не вредно, – сказал Чак. – Не так ли?

Доктор Коули был до того худ, что казался истощенным. Не то чтобы ходячий скелет, каковых Тедди насмотрелся в Дахау, но немного откормить его не мешало бы. Его маленькие темные глаза сидели глубоко в глазницах, на лицо легли тени. Его щеки даже не ввалились, а провалились, и кожа вокруг была вся в застарелых прыщах. Тонкие губы и заостренный нос лишь усиливали его худобу, подбородок практически отсутствовал. Остатки волос были такими же темными, как глаза и тени под ними.

Зато он обладал яркой взрывной улыбкой, в которой сквозила уверенность в себе, отчего радужная оболочка глаз делалась светлее. Именно эту улыбку он и пустил в ход, выходя из-за стола им навстречу с протянутой рукой.

– Пристав Дэниелс. Пристав Ауле. Рад, что вы смогли так быстро выбраться.

Его рука оказалась сухой и гладкой, как у статуи, а пожатие жестким, до костей, и оно отозвалось у Тедди до самого предплечья. В глазах Коули зажегся огонек – дескать, не ожидал, да? – а затем он повернулся к Чаку:

– Очень рад, сэр. – Улыбка пулей улетела, он уже обращался к помощнику зрителя. – Пока всё, Макферсон. Спасибо.

– Да, сэр, – откликнулся тот. – Мое почтение, господа. – И с этими словами вышел из кабинета.

Улыбка вернулась на лицо Коули в клейкой версии, напомнившей Тедди пленку на супе.

– Хороший человек. Макферсон. Нравнодушный.

– К чему? – спросил Тедди, присаживаясь возле стола.

Улыбка трансформировалась, съехав на одну сторону и там застыв.

– Простите?

– Он равнодушный, – повторил Тедди. – К чему?

Коули, сев за стол из тикового дерева, развел руки:

– К работе. В нашем случае это моральный сплав закона, порядка и врачебного внимания. Еще пятьдесят лет назад, а то и меньше, отношение к таким пациентам, как наши, было однозначное: в лучшем случае заковать в кандалы и пусть гниют в собственном дерьме. Их систематически избивали, как будто психоз можно выбить из человека. Их демонизировали. Их истязали. Подвешивали на дыбе. Загоняли шурупы в черепную коробку. Иногда топили.

– А сейчас? – спросил Чак.

– Сейчас мы их поддерживаем. Морально. Мы пытаемся их вылечить, поставить на ноги. А если это не удастся, то, по крайней мере, обеспечиваем им необходимый покой.

– А как же их жертвы? – спросил Тедди.

Коули поднял брови. Он ждал продолжения.

– Это ведь люди, совершившие жестокое насилие, – сказал Тедди. – Так?

Коули кивнул:

– Весьма жестокое, да.

– Они кого-то мучили, – продолжал Тедди. – Кого-то даже убили.

– Подавляющее большинство.

– Тогда почему их покой важнее покоя их жертв?

Коули ответил, тщательно подбирая слова:

– Моя работа состоит в том, чтобы лечить этих людей, а не их жертв. Их жертвам я уже не в силах помочь. В любой работе существуют свои рамки. В моей тоже. Она ограничена кругом моих пациентов. – Он улыбнулся. – Разве сенатор не

объяснил вам ситуацию?

Тедди и Чак обменялись короткими взглядами.

– Мы ничего не знаем ни о каком сенаторе, доктор. Нас назначила окружная судебная палата.

Коули поставил локти на зеленую книгу записей, сложил ладони и, опустив на них подбородок, воззрился на приставов поверх очков.

– Стало быть, я ошибся. И что вам сказали на инструктаже?

– Нам известно, что пропала заключенная. – Тедди положил на колени блокнот и перелистнул несколько страниц. – Рейчел Соландо.

– Пациентка, – поправил его Коули с застывшей на лице улыбкой.

– Пациентка, – согласился Тедди. – Прошу прощения. Если мы правильно поняли, с момента побега еще не прошло двадцати четырех часов.

Коули чуть наклонил подбородок вместо кивка.

– Побег был совершен прошлой ночью. Между десятью и полночью.

– И до сих пор ее не нашли, – уточнил Чак.

– Верно, пристав... – Доктор поднял руку, как бы извиняясь.

– Ауле, – напомнил Чак.

Лицо Коули вытянулось поверх сложенных рук. Об оконное стекло за его спиной шлепнулось несколько капель. То ли с неба, то ли с моря – Тедди не смог определить.

– А имя – Чарльз?

– Да.

– Я буду вас звать Чарльз, если не возражаете, – сказал Коули.

– Мне повезло.

– В смысле?

– Мы свои имена не выбираем, – сказал Чак. – Хорошо тому, кто доволен своим именем.

– И кто же его выбрал?

– Мои родители.

– Нет, фамилию?

Чак пожал плечами:

– Кто знает. Нам придется вернуться на двадцать поколений назад.

– Или на одно.

Чак подался вперед:

– Простите?

– Вы грек или армянин, – сказал Коули. – Кто же?

– Армянин.

– А фамилия Ауле...

– Когда-то была Анасмаджан.

Коули перевел взгляд на Тедди:

– А ваша?

– Дэниелс? Ирландская фамилия в десятом поколении. – Губы Тедди тронула улыбка. – И я знаю всех своих предков, доктор.

– А полное имя? Теодор?

– Эдвард.

Коули отвалился на стуле, руки упали на стол. Он постучал ножичком по краю столешницы. Звук был тихий и настойчивый, как падающий на крышу снег.

– Имя моей жены Маргарет, но, кроме меня, никто ее так не называет, – сказал он. – Для старых друзей она Марго, и в этом есть смысл, все же прочие зовут ее Пегги. И вот это мне совершенно не понятно.

– Что?

– Как из Маргарет получилась Пегги. И ведь это распространенный случай. Или как из Эдварда получается Тедди. В Маргарет нет «п», в Эдварде нет «т».

Тедди пожал плечами:

– Как ваше имя?

– Джон.

– Вас никогда не называли Джеком?

Коули покачал головой:

– Для большинства людей я просто «доктор».

Вода поплеывала в оконное стекло. Коули как будто прокручивал в уме их разговор, глаза его сделались блестящими, а взгляд отсутствующим. И тут голос подал Чак:

– Мисс Соландо считается опасной?

– Все наши пациенты склонны к насилию, – ответил Коули. – Поэтому они здесь. Как мужчины, так и женщины. Рейчел Соландо – вдова убитого на войне. Она утопила троих своих детей в озере за домом. Отводила по очереди и удерживала их головы под водой, пока они не захлебнулись. Потом принесла их обратно домой и рассадил за кухонным столом. Когда к ней заглянул сосед, она спокойно ела.

– Она и его убила? – спросил Чак.

Брови Коули приподнялись, он тихо вздохнул:

– Нет. Пригласила с ними позавтракать. Он, естественно, отказался и позвонил в полицию. Рейчел по-прежнему считает, что дети живы и ждут ее дома. Это может объяснить мотив ее побега.

– Желание вернуться домой, – уточнил Тедди.

Коули кивнул.

– А где ее дом? – спросил Чак.

– Маленький городок в Беркшире. Приблизительно сто пятьдесят миль отсюда. – Коули мотнул головой в сторону окна за спиной. – Отсюда вплавь до материка одиннадцать миль. А на север пришлось бы плыть до самого Ньюфаундленда.

– Остров прочесали? – спросил Тедди.

– Да.

– Достаточно тщательно?

Коули поиграл серебряной статуэткой лошади, что стояла на углу стола, прежде чем ответить.

– Смотритель больницы и его люди вместе с санитарями всю ночь и почти целое утро осматривали остров и каждое здание больничного комплекса. Никаких следов. Еще тревожнее то обстоятельство, что никто не может объяснить, каким образом ей удалось ускользнуть из палаты. Комната запирается снаружи, а единственное окно забрано решеткой. Никаких признаков того, что кто-то ковырялся в замке, мы не обнаружили. – Он перевел взгляд со статуетки на гостей. – Впечатление такое, будто она испарилась сквозь стены.

Тедди записал у себя в блокноте слово «испарилась».

– А вы уверены, что во время отбоя она находилась в своей палате?

– Абсолютно.

– На каком основании?

Коули оставил в покое лошадь и нажал на кнопку селекторной связи.

– Сестра Марино?

– Да, доктор.

– Пожалуйста, попросите ко мне мистера Гантона.

– Сию минуту, доктор.

У окна стоял столик, а на нем кувшин с водой и четыре стакана. Коули подошел к столику и наполнил три стакана, два поставил перед гостями, а с третьим вернулся на свое место.

– У вас здесь не найдется аспирина? – спросил Тедди.

Главврач едва заметно улыбнулся.

– Думаю, найдем. – Он порылся в выдвижном ящике и достал флакон «Байера». –
Две, три?

– Лучше три. – Тедди уже чувствовал пульсирующую боль в глазу.

Коули протянул ему таблетки, он бросил их в рот и запил водой.

– Подвержены головным болям, пристав?

– Морской болезни, увы.

Коули понимающе кивнул:

– Обезвоживание организма.

Тедди подтвердил кивком, а Коули открыл сигаретницу из грецкого ореха и поднес ее гостям. Тедди взял одну, Чак же, мотнув головой, достал собственную пачку, и все трое закурили. Главврач поднял фрамугу.

Он снова сел и протянул через стол фотографию: молодая женщина, чье красивое лицо портили круги под глазами, такие же черные, как ее волосы. Глаза широко раскрыты, как будто их распирало от внутреннего жара. А то, что им открывалось за объективом камеры, за фотографом, а возможно, и за пределами видимого мира, не предназначалось для посторонних глаз.

Что-то в ее лице вызвало у Тедди тревожную ассоциацию, а потом он сообразил: паренек в концлагере, отказывавшийся от еды, которую ему предлагали. Он сидел у стены на апрельском солнышке с застывшим выражением глаз, пока его веки не закрылись. Бездыханное тело добавили к горе трупов на железнодорожной платформе.

Чак тихо присвистнул:

– О господи.

Коули сделал затяжку.

– Это реакция на ее бесспорную красоту или бесспорное безумие?

– И на то, и на другое, – ответил Чак.

Эти глаза, думал Тедди. Даже застывшие во времени, они кричали. Хотелось залезть внутрь картинки и сказать ей: «Ну, ну, ну. Все хорошо, все хорошо. Ш-ш-ш». Хотелось держать ее за плечи, пока не пройдет озноб, и произносить утешительные слова.

Дверь открылась, и вошел высокий негр с седыми прядками, в белой униформе санитара.

– Мистер Гантон, – сказал Коули, – это джентльмены, о которых я вам говорил. Приставы Ауле и Дэниелс.

Тедди с Чаком встали и обменялись с Гантоном рукопожатиями. Тедди почувствовал, как от этого человека буквально исходит страх, возможно, оттого, что он пожимает руку представителям закона, а у него дома лежит парочка повесток в суд.

– Мистер Гантон работает у нас вот уже семнадцать лет. Он главный санитар. Это он сопровождал Рейчел в ее палату прошлой ночью. Мистер Гантон?

Гантон, усевшись, скрестил лодыжки, положил руки на колени и немного подался вперед, глядя на свои ботинки.

– В девять собиралась группа, а после...

Коули его перебил:

– Речь о сеансах групповой терапии, которые проводят доктор Шин и сестра Марино.

Гантон подождал, не захочет ли Коули еще что-то добавить, а затем продолжил:

– Ну вот. Значит, в десять они закончили, и я повел Рейчел в палату. Она вошла. Я запер дверь снаружи. После отбоя, каждые два часа, мы делаем обход. В

двенадцать прихожу. Заглядываю в глазок, а койка пустая. Может, думаю, на полу лежит. Пациенты, они часто на полу спят. Открываю дверь...

И снова Коули вмешался:

– Своим ключом, правильно, мистер Гантон?

Тот кивнул, разглядывая собственные колени:

– Своим, ага, дверь-то заперта. Вхожу. Мисс Рейчел нигде не видать. Я закрыл дверь и проверил решетку на окне и само окно. Вроде крепко заперто. – Он передернул плечами. – Тогда я позвонил смотрителю. – Он поднял глаза на Коули, который по-отечески ему кивнул.

– Есть вопросы, господа?

Чак мотнул головой.

Тедди оторвался от блокнота.

– Мистер Гантон, вы сказали, что вошли в палату и убедились в том, что пациентки нет на месте. Вы не разовьете свою мысль?

– Сэр?

– Там есть стенной шкаф? Есть место под койкой, где она могла спрятаться?

– Все есть.

– И вы там и там проверили?

– Да, сэр.

– Притом что дверь оставалась открытой.

– Сэр?

– Вы сказали, что вошли в палату и не увидели там пациентки. А потом закрыли дверь.

– Вообще-то... Ну...

Тедди подождал и затянулся сигаретой, которую ему дал Коули. Дым был мягче и насыщеннее, чем у его «Честерфилда», и запах тоже другой, сладковатый.

– Дело-то на пять секунд, сэр, – пояснил Гантон. – Глянул в шкаф, глянул под койку и закрыл дверь. Где ей там прятаться-то? На пяточке?

– А прижаться к стене? Справа или слева от двери?

– Да ну. – Гантон помотал головой, и, хотя глаза были опущены долу, Тедди впервые ощутил исходящую от него волну досады и глухого недовольства при всех этих услужливых «да, сэр» и «нет, сэр».

– Маловероятно, – обратился Коули к Тедди. – Я вижу, пристав, к чему вы клоните, но когда вы увидите эту комнатку, то поймете, что мистеру Гантону было бы крайне трудно не заметить пациентку, где бы она в тот момент ни находилась.

– Вот именно. – Гантон уже смотрел приставу в лицо, и в его взгляде сквозили вызов и гордость за безупречно сделанную работу, которую он, Тедди, своими вопросами поставил под сомнение.

– Благодарю вас, мистер Гантон, – сказал Коули. – Пока достаточно.

Гантон поднялся, еще на пару секунд задержавшись взглядом на приставе, и со словами «Спасибо, доктор» покинул офис.

С минуту они молча докуривали свои сигареты, прежде чем затушить их в пепельницах. После чего Чак произнес:

– Я думаю, нам следует осмотреть палату, доктор.

– Разумеется. – Коули встал из-за стола. В его огромной пятерне была связка ключей. – Следуйте за мной.

Это была клетушка с открывавшейся внутрь железной дверью; благодаря хорошо смазанным петлям она открывалась до самого конца. Слева от входа, за небольшим простенком, находился деревянный чуланчик, где на пластмассовых вешалках висели блузы и брюки на завязках.

– Похоже на правду, – признал Тедди.

Коули кивнул:

– От человека, стоящего на пороге, здесь спрятаться негде.

– А на потолке? – сказал Чак, и все трое задрали головы, а Коули позволил себе улыбнуться.

Главврач закрыл за собой дверь, и Тедди позвоночником почувствовал себя узником. Над узкой койкой зарешеченное окошко. У правой стены крошечный комод. Цементные стены и пол казенного белого цвета. В этой камере три человека неизбежно терлись локтями.

– Кто еще имел сюда доступ? – спросил Тедди.

– Среди ночи? В такое время нет никому резона заглядывать в этот корпус.

– Это понятно, – сказал Тедди. – Но кто сюда имеет доступ?

– Санитары, естественно.

– Лечащие врачи? – спросил Чак.

– Медсестры, – уточнил Коули.

– У врача нет ключей? – спросил Тедди.

– Есть. – В голосе Коули почудилось легкое раздражение. – Но в десять вечера все врачи расписываются в журнале.

– И сдают ключи?

– Да.

– Это зафиксировано? – гнул свое Тедди.

– Я не понимаю.

– Они должны расписываться за получение и сдачу ключей, доктор. Правильно?

– Разумеется.

– И мы можем проверить росписи в журнале за вчерашний вечер, – уточнил Тедди.

– Да-да. Конечно.

– Журнал хранится в зарешеченной комнатке на первом этаже? – уточнил Чак. – Там, где сидит охранник, а на стене висят ключи?

Коули быстро кивнул.

– А еще личные дела медицинского персонала и охранников. Нам понадобится доступ к ним, – сказал Тедди.

Коули уставился на него так, словно на его лице роились мошки.

– Зачем?

– Из запертой палаты исчезла женщина. Она прячется на маленьком острове, и никто не может ее найти? Доктор, я не вправе исключать того, что кто-то оказывал ей помощь.

– Посмотрим, – сказал Коули.

– Посмотрим?

– Да, пристав. Мне надо переговорить со смотрителем и кое с кем из персонала. Мы рассмотрим вашу просьбу, основываясь на...

– Доктор, – перебил его Тедди, – это не просьба. Мы находимся здесь в соответствии с правительственным указом. Это федеральное учреждение, из которого опасный преступник...

– Пациент.

– Опасный пациент совершил побег. – Тедди старался говорить ровным голосом. – Если вы, доктор, не оказываете содействия американским судебным приставам в поимке такого пациента, это расценивается как... Чак?

– Воспрепятствование отправлению правосудия.

Коули попытался прочесть в глазах Чака, не потому ли тот поддакивает, что опасается наезда со стороны напарника, но их взгляды не встретились.

– Могу сказать одно. – Голос Коули был лишен всяких эмоций. – Я сделаю все, чтобы выполнить вашу просьбу.

Приставы переглянулись и снова посмотрели на голые стены. Наверно, Коули не привык, чтобы после того, как он выказал свое неудовольствие, ему продолжали задавать вопросы, так что они решили дать ему короткую передышку.

Тедди заглянул в чуланчик, где висели три белые блузы и стояли две пары белых туфель.

– Сколько пар обуви выдают пациентам?

– Две.

– То есть она сбежала босая?

– Да. – Коули поправил галстук под лабораторным халатом и показал пальцем на лист бумаги, лежащий на койке. – Мы нашли это за комодом. Смысл непонятен. Мы надеемся, что кто-то сумеет нам объяснить.

Тедди взял лист. Обратная сторона представляла собой оптометрическую таблицу в виде пирамиды из букв. Он перевернул лист и поднес текст к глазам Чака.

ЗАКОН 4

Я 47

ИМ 80

+ВАС 3

НАС 4

НО

КТО 67?

Этот листок не вызывал у Тедди приятных чувств. Края бумаги подрагивали в его пальцах.

– Хрен поймешь, – сказал Чак.

Сзади к ним подошел Коули:

– Наш диагноз недалек от вашего.

– Нас трое, – сказал Тедди.

Чак бросил повторный взгляд на листок:

– Чего?

– Это может относиться к нам, – пояснил Тедди. – Мы втроем стоим здесь.

Чак помотал головой:

– Как она могла это предсказать?

Тедди пожал плечами:

– Это всего лишь гипотеза.

– Ну да.

– Гипотеза гипотезой, но Рейчел весьма изобретательна по части игр. Ее галлюцинации – особенно убеждение, что трое ее детей по-прежнему живы, – зиждутся на шатком, но замысловатом фундаменте. А сшивает она эту структуру затейливой повествовательной нитью своей жизни, выдуманной от начала до конца.

Чак медленно поднял взгляд на Коули и сказал:

– Боюсь, что без ученой степени вас не понять.

Коули хмыкнул:

– Вспомните, сколько небылиц вы рассказывали родителям в детстве. Какими они были изощренными. Вместо того чтобы дать простое объяснение, почему вы пропустили школу или забыли про домашние обязанности, вы что-то

накручивали, изобретали. Разве нет?

Чак, подумав, кивнул.

– Да, – сказал Тедди. – Преступники поступают так же.

– Совершенно верно. Напускают туману. Запутывают слушателя, чтобы тот поверил, – не потому, что это правда, а просто от усталости. А теперь представьте, что эти небылицы вы рассказываете сами себе. Как Рейчел. За четыре года она ни разу не призналась себе в том, что находится в клинике. Она полагает, что живет в своем доме в Беркшире, а мы – разносчики, молочники, почтовые служащие – просто ходим мимо. Какой бы ни была реальность, усилием воли она делает собственные иллюзии убедительнее.

– Но как может не доходить до нее истинное положение дел? – спросил Тедди. – Как ни крути, она в больнице для душевнобольных. Она же не может этого совсем не замечать?

– А-а. – Коули поднял вверх указательный палец. – Вот она, пугающая красота параноидального мышления настоящего шизофреника. Если ты веришь в то, что ты единственный знаешь правду, то из этого следует, что все прочие – лгуны. А если они лгуны...

– То любая правда в их устах становится ложью, – закончил за него Чак.

Коули оттопырил большой палец, а указательный направил на Чака, как дуло пистолета:

– Смысл ухватили.

– И это каким-то образом нашло отражение в данных цифрах? – предположил Тедди.

– Скорее всего. За ними наверняка что-то стоит. У Рейчел ни одна мысль не бывает пустой или случайной. Ей важно уберечь мозг от распада, а для этого она должна постоянно думать. Мы имеем дело, – он постучал пальцем по оптометрической пирамиде, – с некой структурой. Которая, убежден, содержит

информацию о ее местонахождении.

На мгновение Тедди показалось, что криптограмма с ним разговаривает, понемногу проясняясь. С двумя числами – 47 и 80 – вывод напрашивался сам собой, что-то такое брезжило в мозгу, как забытая мелодия, которую пытаешься вспомнить, пока по радио передают нечто совсем другое. К 47 ключик, вот он. Руку протяни. Это так просто. Ну же...

Но логический мостик рухнул, все разом стерлось из памяти, и стало понятно, что надо ловить заново – и ключ, и связь, и мостик. Тедди положил листок бумаги обратно на койку.

– Бред, – сказал Чак.

– Что именно? – поинтересовался Коули.

– Куда она могла пропасть. По-моему, бред.

– Ну да, – согласился Коули. – Это данность.

4

Они вышли. От лестницы в обе стороны уходил коридор. Палата Рейчел была слева от лестницы, примерно посередине коридора.

– Это единственный выход? – спросил Тедди.

Коули кивнул.

– С крыши сюда нельзя проникнуть? – спросил Чак.

Коули помотал головой:

– На крышу можно попасть только по пожарной лестнице с южной стороны здания. На лестницу ведет специальная дверь, которая всегда заперта. Ключи от нее есть только у персонала. Чтобы попасть на крышу, ей пришлось бы спуститься вниз, выбраться наружу, воспользоваться ключом и по пожарной лестнице залезть на крышу.

– Но крышу проверяли?

Кивок.

– Как и все комнаты в этом корпусе. Сразу же. Как только обнаружили, что она исчезла.

Тедди показал пальцем на санитара, сидевшего возле лестницы за столиком.

– Это круглосуточный пост?

– Да.

– Значит, кто-то здесь сидел прошлой ночью.

– Санитар Гантон, кстати сказать.

Они подошли к лестнице.

– Короче... – сказал Чак, вопросительно подняв брови.

– Да, – согласился тот.

– Короче, – повторил Чак. – Мисс Соландо из запертой палаты попадает в коридор, спускается по ступенькам... – Они спустились на один пролет, и Чак показал большим пальцем на другого санитара, что дежурил на лестничной площадке второго этажа. – Незаметно проходит мимо второго санитара, непонятно как, вероятно сделавшись невидимкой, спускается еще на один этаж и выходит наружу...

На нижнем этаже они увидели перед собой просторную комнату с несколькими кушетками вдоль стен, большим раскладным столом и складными стульями в центре. Через эркеры комнату заливал уличный свет.

– Комната отдыха, – сказал Коули. – Здесь пациенты в основном проводят вечера. Вчера здесь состоялась групповая терапия. Вы видите портик, а за ним пост медицинской сестры. После отбоя здесь собираются санитары. Вообще-то, они должны драить пол, мыть окна и тому подобное, но чаще всего мы их застаем за картами.

– А прошлой ночью?

– По свидетельству тех, кто вчера находился на дежурстве, карточная игра была в самом разгаре. Семеро мужчин, сидя за столом у подножия этой лестницы, резались в покер.

Положив руки на бедра, Чак с шумом выпустил из легких воздух.

– И тут наш человек-невидимка поворачивает направо или налево.

– Повернув направо, она попала бы сначала в столовую, потом в кухню, а за ней зарешеченная дверь с сигналом тревоги, который включается в девять, после ухода кухонного персонала. Повернув налево, она должна была бы пройти мимо поста и комнаты отдыха для врачей. Оттуда нет выхода наружу. Их только два: в противоположном конце или по коридору за лестницей. У обоих выходов вчера дежурили люди. – Коули глянул на часы. – Господа, у меня совещание. Если у вас возникнут вопросы, пожалуйста, обращайтесь к медперсоналу или лично к Макферсону. Он непосредственно занимается поисками и располагает всей необходимой информацией. Ужин для персонала – ровно в шесть, в большой столовой, она находится в подвальном этаже общежития для санитаров. После ужина все соберутся здесь, в комнате отдыха, и вы сможете поговорить с любым, кто дежурил прошлой ночью, когда произошел инцидент.

Он вышел в дверь, и они смотрели ему вслед, пока он не скрылся из виду, свернув налево.

– Без «крота» тут явно не обошлось, что скажешь? – спросил Тедди.

– А мне нравится версия человека-невидимки. Может, она знает магическую формулу. И сейчас наблюдает за нами. А? – Быстро глянув через плечо, он снова обратился к Тедди: – Есть над чем поразмыслить.

Во второй половине дня они присоединились к поисковой партии и двинули вглубь острова. Бриз потеплел и словно тяжестью налился. Большая часть территории была во власти дикой природы: поля, поросшие сорняками и высокой травой, за ноги цеплялись корни старых дубов, в тело впивались колючие побеги. Эти буйные заросли в основном были непроходимыми, даже если ты держал в руке мачете, как некоторые из охранников. У Рейчел Соландо не было мачете, но даже если бы и был, сама природа вытолкнула бы ее на берег.

В глазах Тедди вся поисковая экспедиция выглядела бессмысленной, так как, кроме него и Чака, в конечный успех, кажется, никто не верил. Люди угрюмо прочесывали периметр, глядя себе под ноги. В какой-то момент, обогнув россыпь черных валунов, они увидели перед собой утес, уходивший в море. Слева, за травостоем, где мох, репейник и кусты с красными ягодами образовали немыслимый клубок, виднелась прогалина, тянувшаяся до подножия низких холмов. Холмы постепенно подрастали, так что каждый следующий был выше предыдущего, и последним в ряду был зазубренный утес. Тедди обратил внимание на овальные проемы на боку утеса.

– Пещеры? – обратился он к Макферсону.

Тот кивнул:

– Есть несколько.

– Вы их осмотрели?

Макферсон, вздохнув, сложил «домиком» ладони от ветра и закурил тонкую сигарету.

– У нее две пары обуви, пристав, и обе остались в чулане. Как можно босиком пройти по этим джунглям, через которые мы-то кое-как продрались, потом по этим валунам, да еще взобраться на утес?

Тедди показал на самый пологий холм за прогалиной:

– А если она выбрала обходной маршрут и поднялась наверх с западной стороны?

Макферсон ткнул пальцем рядом с пальцем Тедди.

– Видите, где обрывается прогалина? У кончика вашего пальца? Это болото. А подножие холмов поросло ядовитым плющом, виргинским дубом, сумахом и тысячью всяких сорняков, у которых колючки размером с мой член.

– Такие же большие или такие же маленькие? – любопытствовал шедший впереди Чак, обернувшись через плечо.

Макферсон улыбнулся:

– Средние.

Чак понимающе кивнул.

– Что я хочу сказать, господа? У нее не было другого выхода, кроме как держаться береговой линии, которая, в какую сторону ни иди, довольно скоро обрывается. – Он показал на утес. – И ты упираешься в скалу.

Часом позже они уткнулись в ограждение на противоположной стороне острова. За ним виднелись старый форт и маяк, обнесенный собственным забором. У ворот стояли два охранника с винтовками наперевес.

– Водоочистка? – спросил Тедди.

Макферсон подтвердил кивком.

Тедди перевел взгляд на Чака. Тот вопросительно поднял брови.

– Водоочистка? – повторил свой вопрос Тедди.

За ужином к ним никто не присоединился. Они сидели одни в волглой одежде от случайных капель, заброшенных теплым бризом с океана. В сумерках за окном погромыхивало – бриз перерастал в настоящий ветер.

– Из запертой палаты, – сказал Чак.

– Босая, – сказал Тедди.

– Мимо трех внутренних постов охраны.

– И кучи санитаров.

– Босая, – повторил Чак.

Тедди повозил по тарелке волокнца картофельной запеканки с мясом.

– Поверх стены с проволокой под током.

– Или через охраняемые ворота.

– В эту свистопляску.

Ветер сотрясал здание и саму тьму за окном.

– Босая.

– Никем не замеченная.

Чак пожевал еду, отпил глоток кофе.

– Если кто-то на острове умирает, – не без того, правильно? – куда его девают?

– Хоронят.

Чак кивнул.

– Ты сегодня где-нибудь видел кладбище?

Тедди покачал головой:

– Может, где-то за забором.

– Ага. Как и их водоочистка. – Чак отодвинул от себя поднос и откинулся на спинку стула. – Кто на очереди?

– Медперсонал.

– Думаешь, от них будет толк?

– А ты?

Чак усмехнулся. Он закурил, не спуская глаз с Тедди, а его усмешка перешла в тихий смех, в такт которому изо рта повалил дым.

Тедди стоял посередине комнаты, а медперсонал сидел вокруг него. Руки он положил на спинку металлического стула. Рядом Чак, руки в карманы, привалился спиной к балке.

– Я полагаю, вы все в курсе, зачем мы здесь собрались, – начал Тедди. – Прошлой ночью совершен побег. Насколько мы можем судить, пациентка исчезла. У нас нет доказательств, подтверждающих предположение, что пациентка исчезла без посторонней помощи. Вы со мной согласны, Макферсон?

– Угу. Оценка ситуации на данный момент точная.

Тедди уже собирался продолжать, когда подал голос Коули, сидевший рядом с медсестрой:

– Господа, вы не представитесь? Не все мои коллеги с вами знакомы.

Тедди встал во весь рост.

– Федеральный судебный пристав Эдвард Дэниелс. А это мой партнер, федеральный судебный пристав Чарльз Ауле.

Чак помахал присутствующим и снова убрал руку в карман. А Тедди продолжил:

– Макферсон, вы с вашими людьми прочесали остров.

– Так точно.

– И что вы нашли?

Макферсон распрямился на стуле.

– Ничего, что указывало бы на женщину в бегах. Ни оторванного лоскутка, ни отпечатков ног, ни примятой травы. Течение вчера было сильное из-за мощного прилива, поэтому о заплыве говорить не приходится.

– Она могла попытаться.

Это подала голос медсестра Керри Марино, худенькая, с копной рыжих волос, которые она распустила, как только вошла в комнату. Она положила белую шапочку на колени и пальцами обеих рук лениво расчесывала гриву, что можно было бы принять за жест усталости, но, судя по реакции мужчин, исподволь бросавших на нее взгляды, сигнал, который она посылала, означал приглашение в постель.

– Что вы сказали? – переспросил Макферсон.

Расчесывание прекратилось, и обе руки упали на колени.

– Может, она попыталась отправиться вплавь и утонула?

– Тогда бы ее уже выбросило волной на берег. – Коули зевнул в кулак. – Вон какой прилив.

Марино подняла руку, словно собираясь попросить у всех прощения, но сказала другое:

– Я подумала, что это заслуживает внимания.

– Спасибо, – сказал Коули. – Пристав, пожалуйста, задавайте свои вопросы. У всех позади долгий трудовой день.

Тедди оглянулся на Чака, и тот ответил выразительным взглядом. Пропавшая пациентка, известная своими насильственными действиями, разгуливает на свободе, а все думают только о том, чтобы поскорей завалиться спать.

– Мистер Гантон сообщил нам, что в полночь он заглянул к мисс Соландо и не обнаружил ее у себя. Замки на оконной решетке и на двери остались нетронутыми. Мистер Гантон, прошлой ночью между десятью и двенадцатью ваше наблюдение за коридором на третьем этаже ни разу не прерывалось?

Несколько голов повернулись в сторону Гантона, и Тедди слегка смутился; в насмешливых взглядах читалось: и этот учителяшка задает вопросы лучшему ученику класса!

Гантон отвечал, разглядывая собственные колени:

– Только когда я заглянул к ней и не застал в палате.

– То есть секунд тридцать.

– Если не пятнадцать. – Он поднял глаза на Тедди. – Комнатка-то крошечная.

– А в остальном?

– А в остальном... В десять всех заперли. Она была последней. Я сидел на посту, возле лестницы, и за два часа никто не проходил.

– И вы ни разу не отлучались?

– Нет, сэр.

– За чашкой кофе, например?

Гантон помотал головой.

– Вот что, ребята, – сказал Чак, отрываясь от балки. – Давайте пофантазируем. Допустим... это не более чем предположение и ничего личного, мистер Гантон... допустим, каким-то образом мисс Соландо прошмыгнула по потолку...

Раздались смешки.

– ...и оказалась на лестнице, ведущей на второй этаж. Мимо кого ей пришлось бы пройти?

Санитар-альбинос с крашеными оранжевыми волосами поднял руку.

– Вас зовут?... – спросил Тедди.

– Глен. Глен Майга.

– О'кей, Глен. Вы были на посту всю ночь?

– Ну да.

– Глен, – с напором сказал Тедди.

– Чё? – Санитар оторвал взгляд от ногтя, из-под которого выковыривал грязь.

– Как на духу?

Глен посмотрел на Коули, потом снова на пристава.

– Всю ночь.

– Глен, я жду.

Под пристальным взглядом Тедди у санитара расширились зрачки, и наконец он выдавил из себя:

– В туалет разок сходил.

Коули всем телом подался вперед:

– Кто вас заменил?

– Я только отлить, сэр. По-быстрому. Извиняюсь.

– И долго вы отсутствовали? – спросил Тедди.

Глен повел плечами:

– Минуту. Не больше.

– Минуту. Вы уверены?

– Я же не верблюды.

– Не спорю.

– Зашел-вышел.

– Вы нарушили протокол, – снова вмешался Коули. – Господи.

– Да, сэр. Я...

– Сколько было на часах? – спросил Тедди.

– Одиннадцать тридцать. Около того. – Страх Глена перед главврачом перерастал в неприязнь к Тедди. Еще пара вопросов – и дело кончится

откровенной враждебностью.

– Спасибо, Глен. – Кивком Тедди дал понять партнеру, что пришла его очередь.

– В одиннадцать тридцать или около того игра в покер была в разгаре? – вступил Чак.

Несколько голов повернулись друг к другу, потом к Чаку, затем какой-то негр кивнул, а за ним закивали и остальные.

– Кто еще играл в карты в это время?

Четыре негра и один белый подняли руки.

Чак сосредоточился на самом активном, на том, который первым кивнул и первым поднял руку. Такой сбитый толстячок, чья бритая голова сияла в лучах света.

– Имя?

– Трей, сэр. Трей Вашингтон.

– Где вы все сидели, Трей?

Толстячок ткнул пальцем в пол:

– Примерно здесь. В центре комнаты. Лестница была прямо перед нами. И обе двери, передняя и задняя, просматривались.

Чак встал рядом, чтобы удостовериться, хорошо ли видны обе двери и лестница.

– Да, все видно.

Трей понизил голос:

– Сэр, вы вот все про пациентов. А врачи, сестры? Они нас недолюбливают. Вот в карты играть не дают. Ежели кто идет, то сразу хватается за швабру.

Чак улыбнулся:

– И как, успеваете?

– Молнию видали?

– Ну?

– Против меня со шваброй она тихоход.

Санитары покатились со смеху, двое негров тыкали пальцами соседей в бока, даже медсестре Марино не удалось скрыть улыбки. Тут-то Тедди и понял, что, пока они здесь, Чаку отведена роль доброго следователя. Он умел находить с людьми общий язык вне зависимости от их социальной принадлежности, цвета кожи и языка. Непонятно, как они там в Сиэтле его отпустили, даже при подружке-японке.

Тедди же был такой бычок. Те, кто принимал его таким, как это было на фронте, довольно быстро становились его корешами. Но поначалу чувствовалось напряжение.

– Ну все, все. – Чак поднял руку, чтобы утихомирить честную компанию, хотя сам посмеивался. – Итак, Трей, вы все сидели возле лестницы и играли в карты. В какой момент вы поняли, что что-то не так?

– Когда Айк... то есть мистер Гантон... закричал сверху: «Звоните смотрителю! У нас побег!»

– И во сколько это было, помните?

– Двенадцать ноль две и тридцать девять секунд.

У Чака брови полезли вверх.

– Вы что, циферблат?

– Нет, сэр, но я первым делом на него смотрю, ежели что не так. Как ЧП, так мы все заполняем СОП... сообщение о происшествии... а там первый вопрос: «Во сколько?» Сами-то их не раз небось заполняли? Это у нас на автомате. Ежели какая неприятность, сразу смотришь на часы.

Несколько санитаров согласно покивали, сопроводив это дружными «ага», как певчие в хоре.

Чак поглядел на напарника, словно спрашивал: «Во разошлись, да?»

– Значит, двенадцать ноль две, – повторил Чак.

– И тридцать девять секунд.

Тедди Гантону:

– Эти две лишних минуты после полуночи появились из-за того, что вы успели проверить несколько палат до того, как добрались до мисс Соландо?

Гантон кивнул:

– Ее палата – пятая по коридору.

– Когда появился смотритель? – спросил Тедди.

– Первым появился Хиксвилл, охранник. Кажется, он дежурил перед входной дверью. Это было в двенадцать ноль шесть и двадцать две секунды. А смотритель пришел через четыре минуты, и с ним шесть человек.

Тедди повернулся к медсестре Марино:

– Вы слышали шум и...

– Я заперла пост медицинской сестры и направилась в комнату отдыха, как раз когда туда через переднюю дверь входил Хиксвилл. – Она пожала плечами и закурила. Остальные восприняли это как сигнал и тоже засмолили.

– Никто не мог прошмыгнуть мимо вас на посту?

Положив подбородок на тыльную сторону ладони, она взирала на пристава сквозь облако дыма.

– Прошмыгнуть куда? В отделение гидротерапии? Чтобы оказаться запертой в цементной коробке среди ванн и маленьких купален?

– А эту палату осматривали?

– Да, пристав, – ответил Макферсон усталым голосом.

– Сестра Марино, вы ведь участвовали в групповой терапии накануне вечером, – сказал Тедди.

– Да.

– Там не случилось ничего необычного?

– Смотря что вы подразумеваете под необычным.

– Простите?

– Это психбольница, пристав. Для невменяемых преступников. День у нас редко проходит в «обычном» режиме.

Тедди в ответ кивнул со слабой улыбкой:

– Спрошу иначе. Не произошло ли во время вчерашней групповой терапии чего-то такого, что отличалось бы от... гм...

– Нормы? – подсказала она.

Это вызвало улыбку у Коули и несколько смешков.

Тедди кивнул.

С минуту она думала, а тем временем пепельный кончик ее сигареты посерел и уже начал загибаться. Заметив это, она стряхнула его в пепельницу и вскинула голову.

– Нет. Уж простите.

– А мисс Соландо вчера что-нибудь говорила?

– Кажется, пару раз, да.

– На тему?

Марино бросила взгляд на главврача.

– В виде исключения, ради приставов, мы можем нарушить правило конфиденциальности, – сказал тот.

Она кивнула, хотя было видно, что она не в восторге от такого решения.

– Мы говорили о том, как сдерживать свою ярость. В последнее время у нас было несколько случаев неподобающих вспышек.

– А именно?

– Шум-крики, выяснения отношений и тому подобное. Ничего экстраординарного, так, небольшие стычки, связанные, вероятно, с недавней тепловой волной. Так что вчера мы обсуждали подходящие и неподобающие способы проявления беспокойства и недовольства.

– У мисс Соландо в последнее время были приступы ярости?

– У Рейчел? Нет. Она только в дождь приходила в возбуждение. И вчера на терапии об этом говорила. «Я слышу дождь. Я слышу дождь. Его еще нет, но скоро пойдет. А что будет с едой?»

– С едой?

Марино загасила сигарету и покивала:

– Рейчел раздражала кормежка. Она постоянно жаловалась.

– По делу? – спросил Тедди.

Марино вовремя заморозила полуулыбку и опустила взгляд.

– Кто-то, возможно, согласится с такой точкой зрения. Мы не оцениваем мнения и мотивы в моральных категориях «хорошо» или «плохо».

Тедди понимающе кивнул.

– Вчерашнюю групповую терапию вел доктор Шин. Он здесь присутствует?

Никто не отозвался. Несколько мужчин затушили свои сигареты в пепельницах, стоявших между стульями.

В конце концов Коули сказал:

– Доктор Шин уехал сегодня на утреннем пароме. На том самом, на котором вы потом приехали.

– Почему?

– Плановый отпуск.

– Но нам надо с ним поговорить.

– У меня есть его обзоры групповых занятий. С комментариями, – сказал Коули. – Вчера в десять вечера он ушел из главного корпуса к себе. А поутру уехал. Его отпуск давно планировался и все время откладывался. Мы не видели причины его задерживать.

Тедди обратился к Макферсону:

– С вашего одобрения?

Тот кивком подтвердил.

– Объявлена строгая изоляция в связи с побегом, – сказал Тедди. – Как вы могли позволить кому-то покинуть территорию?

– Мы проверили, где он находился прошлой ночью, – сказал Макферсон. – Мы все взвесили и не нашли причин, чтобы его задерживать.

– Он врач, – подчеркнул Коули.

– Мать честная, – тихо выдохнул Тедди.

Грубейшее нарушение предписаний, установленных для всех учреждений пенитенциарной системы, а все ведут себя так, будто ничего не произошло.

– Куда он уехал?

– Простите?

– Вы сказали, что он уехал в отпуск. Куда именно?

Коули, припоминая, поднял глаза к потолку.

– Нью-Йорк, по-моему. Там его семья. Парк-авеню.

– Мне нужен его номер телефона, – сказал Тедди.

– Я не понимаю зачем...

– Доктор, – перебил его Тедди, – мне нужен номер телефона.

– Вы его получите, пристав. – Коули смотрел в потолок. – Что-нибудь еще?

– Да уж, – сказал Тедди.

Коули опустил взгляд на пристава.

– Телефон, – сказал Тедди.

Из телефонной трубки на посту медицинской сестры раздавалось тихое шипение. За стеклом было еще четыре аппарата, но, когда доступ к ним открыли, результат оказался таким же.

Тедди и доктор Коули отправились к центральному коммутатору на первом этаже главного больничного корпуса. Оператор поднял глаза, когда они вошли в дверь. Гарнитура висела у него на шее.

– Сэр, – обратился он к главврачу, – связи нет. Даже по радио.

– Погода вроде ничего.

Оператор пожал плечами:

– Я пытаюсь прорваться. Проблема не в том, какая погода у нас, а в том, что творится на материке.

– Продолжайте, – сказал Коули. – Если связь восстановится, дайте мне знать. Этому джентльмену надо сделать важный звонок.

Оператор кивнул и, отвернувшись, надел наушники.

Воздух за окном напоминал задержанное дыхание.

– Что произойдет, если вы не появитесь в положенное время? – поинтересовался Коули.

– В головном офисе? – уточнил Тедди. – Сообщат об этом в вечернем докладе. А если не появлюсь в течение сорока восьми часов, все задержатся.

Коули понимающе кивнул:

– Может, к тому времени все закончится.

– Закончится? – удивился Тедди. – Еще ничего не началось.

Коули передернул плечами и направился к железной двери.

– Часов в девять я собираюсь пропустить стаканчик и выкурить сигару-другую. Можете заглянуть ко мне домой вместе со своим партнером.

– Вот как, – сказал Тедди. – Значит, мы сможем поговорить?

Коули притормозил и развернулся в его сторону. Темные деревья за окном раскачивались и шелестели листвой.

– А чем мы, пристав, занимаемся?

Чак и Тедди шли по территории в сгустившихся сумерках, физически ощущая, как надвигающийся шторм накапливает в себе духоту, словно природа забеременела и ее все больше распирает.

– Чушь какая-то, – сказал Тедди.

– Угу.

– Товар с гнильцой.

– Как баптист говорю тебе «аминь, брат».

– По поводу, брат?

– Да всей этой болтовни. Я год проработал в Миссисипи.

– Да ну?

– Аминь, брат.

Тедди стрельнул у него еще одну сигаретку и закурил.

– Позвонил в головной офис? – спросил Чак.

Тедди мотнул головой:

– Нет телефонной связи. – Он махнул в сторону неба. – Штормовой фронт.

Чак выплюнул табачную крошку.

– Штормовой фронт? Где?

– В воздухе, не чуешь? – сказал Тедди. – Хотя чтобы вырубился центрком...

– Центрком, – хмыкнул Чак. – Ты дембельнулся или все еще ждешь соответствующие бумаги?

– Коммутатор, – поправился Тедди, отмахнувшись сигаретой. – Называй как хочешь. Радиосвязи, кстати, тоже нет.

– Чего-чего? – У Чака округлились глаза. – И радиосвязи? У них нет и радиосвязи, босс?

Тедди кивком подтвердил.

- Мы заперты на острове, где разыскивается женщина, бежавшая из запертой палаты...
 - ...миновавшая четыре поста с охраной...
 - ...и комнату, где куча санитаров резались в покер.
 - Перемахнула через трехметровую каменную стену...
 - ...поверх которой протянута проволока под током.
 - Проплыла одиннадцать миль...
 - ...против гневливого течения...
 - ...чтобы добраться до материка. «Гневливого» - хорошо сказано. И холодного. Градусов девять?
 - Тринадцать максимум. К тому же ночью...
 - Считай, девять. Тедди, вот что я тебе скажу. Вся эта история...
 - Да еще отсутствующий доктор Шин.
 - Тебе это тоже показалось странным? Я уж засомневался. Мог бы и больше расковырять задницу этому Коули.
- Тедди засмеялся, и его смех, унесенный ночным ветром, растаял в волне далекого прибоя, словно его и не было, словно этот остров и просоленное море хватали то, что вроде бы принадлежало тебе, и...
- ...если мы нужны, чтобы эта история попала на обложку журнала?
 - А?

– Что, если мы нужны, чтобы эта история попала на обложку журнала? – повторил Чак. – Что, если нас сюда вытащили для того, чтобы помочь им поставить все точки над i?

– Конкретнее, Ватсон.

Очередная улыбка.

– Ладно, босс, следите за моей мыслью.

– Ну-ка, ну-ка.

– Предположим, некий врач по уши влюбился в некую пациентку.

– Мисс Соландо.

– Вы видели ее фото.

– Привлекательная особа.

– Привлекательная? Да это девушка с картинки в личном шкафчике американского солдата. И вот она обработала нашего паренька, Шина... Поняли, куда я клоню?

Тедди отбросил недокуренную сигаретку, искорки вспыхнули на ветру и вместе с окурком унеслись прочь.

– Шин привязывается и решает, что не может без нее жить.

– Здесь ключевое слово «жить». Вдвоем, в большом мире.

– И они делают ноги с этого острова.

– А в эти минуты, может быть, сидят на концерте Толстяка Домино[3 - Домино Антуан Доминик по кличке Толстяк – чернокожий исполнитель блюзов и рок-н-ролла из Нового Орлеана.].

Тедди остановился перед оранжевым торцом общежития для персонала.

– Но тогда почему они не вызвали ищеек?

– Они и вызвали. По протоколу. А на материке подумали, кого бросить на такое дело, и решили послать нас. Если они здесь покрывают соучастника побега, то мы им нужны в качестве алиби – дескать, все сделано согласно букве закона.

– О'кей, – согласился Тедди. – Но зачем им покрывать Шина?

Чак уперся подошвой ботинка в стену, чтобы поразмять колено, а заодно прикурил.

– Не знаю. Это еще надо обмозговать.

– Если Шин действительно увез ее отсюда, то он должен был кой-кого подмазать.

– Как пить дать.

– Многих людей.

– Несколько санитаров. Парочку охранников.

– Кого-то на пароме. Может, и не одного.

– Если он уехал на пароме. У него могла быть собственная яхта.

Тедди на пару секунд задумался.

– Он человек не бедный. Парк-авеню, сказал Коули.

– Значит, собственная яхта.

Тедди поднял глаза к тонкой проволоке поверх стены. Атмосферу распирало, как пузырьки воздуха.

– Вопросов больше, чем ответов, – промолвил Тедди после паузы.

– То есть?

– Что значит этот шифр в палате Рейчел Соландо?

– Она же сумасшедшая.

– Но зачем показывать его нам? Я хочу сказать, если это операция прикрытия, то не проще ли, чтобы мы подписали рапорт и уехали восвояси? «Сиделка уснула». Или: «Мы не заметили, что замок на оконной решетке проржавел».

Чак прижал ладонь к стене.

– А может, они это от одиночества. Соскучились по компании извне.

– Почему нет. Сочинили историю, чтобы заманить нас сюда. Будет о чем поговорить. Вполне правдоподобно.

Чак, повернувшись, разглядывал «Эшклиф».

– Шутки в сторону...

Тедди тоже повернулся, и теперь они вдвоем смотрели на здание больницы.

– Да?

– Мне здесь как-то не по себе, Тедди.

– Они называли это «большой залой», – сказал Коули, ведя их через выложенную паркетом прихожую к двустворчатой дубовой двери с медными ручками размером с ананас. – Seriously. Моя жена обнаружила на чердаке пачку неотосланных писем полковника Спайви, владельца дома. В них он постоянно рассказывает о «большой зале», которую строит.

Коули потянул за «ананас», и створка открылась.

Чак тихо присвистнул. Что касается Тедди, то их с Долорес квартира в Баттонвуде вызвала зависть у друзей, в их прихожей можно было играть в футбол, но эта зала вместила бы в себя две такие прихожие.

Мраморный пол здесь и там покрывали восточные ковры. Камин был выше среднего человеческого роста. Одни только шторы – три ярда пурпурного бархата на одно окно, а всего их было девять – наверняка стоили больше, чем годовая зарплата Тедди. Если не две. Один угол занимал бильярдный стол, а за ним, над громадным камином, висели картины маслом: мужчина в синей форме армии северян, женщина в белом платье с рюшами, они вместе и собака в ногах.

– Полковник? – спросил Тедди.

Проследив за его взглядом, Коули кивнул.

– Его освободили от должности вскоре после того, как были написаны эти картины. Мы их нашли в подвале вместе с бильярдным столом, коврами и стульями. Вы бы видели этот подвал, пристав. Там можно играть в поло.

Вдруг учуяв запах трубочного табака, Тедди и Чак разом повернулись, осознав, что в зале находится еще кто-то. Человек сидел к ним спиной в кресле-качалке с высокой спинкой, лицом к камину, положив вытянутую ногу на колено другой ноги в качестве подставки для раскрытой книги.

Коули подвел их к камину и пригласил жестом сесть на один из повернутых к очагу стульев, а сам направился к бару.

– Какой яд предпочитаете, джентльмены?

– Ржаное виски, если у вас есть, – сказал Чак.

– Думаю, найдется. А вы, пристав Дэниелс?

– Содовую со льдом.

Незнакомец посмотрел на него.

– Вы не употребляете алкоголь?

Тедди опустил взгляд. Маленькая красная головка сидела вишенкой на грузном теле. В нем чувствовался какой-то особый лоск, как будто по утрам он нежил себя в ванной, умащивая тело ароматическими маслами и припудривая тальком.

– А вы?.. – протянул Тедди.

– Мой коллега, – подал голос Коули. – Доктор Джеремайя Нэринг.

Мужчина моргнул в знак подтверждения, однако не протянул руки, поэтому не сделали этого и гости.

– Просто любопытно, – сказал Нэринг, когда они сели слева от него.

– Ради бога, – отозвался Тедди.

– Почему вы не пьете? Разве в вашей среде не склонны к возлияниям?

Взяв у Коули стакан, Тедди встал и прошелся к книжным полкам справа от камина.

– Пожалуй, – ответил он. – А в вашей?

– Простите?

– В вашей среде? – уточнил Тедди. – Только и слышишь, как поддают врачи.

– Я не замечал.

– Может, не очень приглядывались?

– Я не вполне вас понимаю.

– У вас в стакане что, холодный чай?

Отвернувшись от книг, Тедди наблюдал за тем, как Нэринг взглянул на свой стакан, и его мягкие губы тронула улыбка.

– Отлично, пристав. У вас превосходно развит защитный механизм. Вы, наверное, мастер допросов.

Тедди, отметив про себя, что у Коули на книжных полках, по крайней мере в этой комнате, не так уж много медицинской литературы, отрицательно покачал головой. Главным образом романы, несколько тоненьких книжечек, вероятно стихов, а также много биографий и книг по истории.

– Действительно мастер? – спросил Нэринг.

– Я федеральный пристав. Наша задача – доставить человека. А вопросы ему задают другие.

– Я о «допросах», а вы мне о «вопросах». Да, пристав, у вас в самом деле потрясающая защитная реакция. – Он постучал о столик донышком стакана с виски, словно аплодируя. – В мужчинах, склонных к насилию, есть что-то интригующее.

– В каких мужчинах? – Тедди подошел ближе и устремил взгляд на человечка в кресле-качалке, погромыхивая кубиками льда в стакане.

Нэринг, откинув голову назад, пригубил свой скотч.

– Склонных к насилию.

– Не слишком ли смелое предположение, док? – сказал Чак.

Таким откровенно раздраженным Тедди его еще не видел.

– Предположение? Это не предположение.

Тедди еще разок встряхнул стакан со льдом, прежде чем его осушить. У левого глаза Нэринга пульсировала жилка. Тедди сел со словами:

– Не могу не согласиться с моим напарником.

– Не-е-ет. – Односложное слово Нэринг превратил в три. – Я вас назвал мужчинами, склонными к насилию. А это не то же самое, что обвинить вас в насилии.

Тедди встретил его заявление широкой улыбкой.

– Просветите нас.

За их спинами Коули поставил пластинку на диск проигрывателя, послышался скрип иглы, а затем отдельные щелчки и шипение, напомнившие Тедди звуки в трубке мертвого телефона. А дальше – бальзам для слуха – звуки струнных и фортепьяно. Какая-то классика, определил Тедди. Что-то прусское. Вспомнились кафешки за границей, а также коллекция пластинок в кабинете помощника коменданта Дахау, одну из которых он слушал, когда выстрелил себе в рот. Офицер был еще жив, когда вошли Тедди и еще четыре солдата. Он булькал кровью и все пытался дотянуться до пистолета, выпавшего из рук после первого выстрела. Бархатная музыка расползалась по комнате, как пауки. Он умирал минут двадцать, пока двое солдат обыскивали комнату, попутно справляясь у *der Kommandant*, не больно ли ему. Когда Тедди забрал у него фотографию в рамке, на которой тот был изображен вместе с женой и двумя детишками, он округлил глаза и потянулся за фото. Тедди же, отступив на шаг, переводил взгляд с фотографии на лежащего, туда-обратно, туда-обратно, до тех пор, пока тот не испустил дух. И все это время звучала музыка. Звенела в ушах.

– Брамс? – спросил Чак.

– Малер, – ответил Коули, садясь рядом с коллегой.

– Вы хотели, чтобы я вас просветил, – напомнил Нэринг.

Тедди развел руки в стороны – дескать, милости прошу.

– Ручаюсь, – начал Нэринг, – что со времени окончания школы ни один из вас не уклонился от физической стычки. Это не значит, что вы получали удовольствие, а лишь то, что вариант отступления вы даже не рассматриваете.

Тедди бросил взгляд на Чака, тот ответил ему смущенной улыбочкой.

– Он не привык обращаться в бегство, док. Воспитание, – сказал Чак.

– Ах, ну да... воспитание. И кто же вас воспитывал?

– Медведи, – сказал Тедди.

Глаза Коули просветлели, он одобрительно кивнул.

А вот Нэринг явно не оценил юмора. Он разгладил брючины на коленях.

– В Бога веруете?

Тедди засмеялся.

Нэринг весь подался вперед.

– Вы это серьезно? – спросил Тедди.

Тот молча ждал ответа.

– В лагере смерти бывали, доктор?

Нэринг жестом показал «нет».

– Нет? – Тедди тоже подался вперед. – Ваш английский хорош, почти безупречен. И все же согласные у вас выходят твердоватыми.

– Разве легальная иммиграция является преступлением, пристав?

Тедди с улыбкой помотал головой.

– Тогда вернемся к Богу?

– Как-нибудь познакомьтесь с лагерем смерти, доктор, а потом спрашивайте меня о том, что я думаю о Боге.

Вместо кивка Нэринг медленно прикрыл веки, а потом снова открыл, уже обращаясь к Чаку:

– А вы?

– Я незнаком с концлагерем.

– В Бога веруете?

Чак пожал плечами:

– Давно как-то о нем не думал, ни в каком качестве.

– С тех пор, как умер ваш отец, да?

Теперь и Чак подался вперед, глядя в прозрачно-стеклянные глаза толстячка.

– Ведь ваш отец умер? Как и ваш, пристав Дэниелс? Готов побиться об заклад, что вы оба лишились главного мужского авторитета в доме, когда вам еще не было пятнадцати лет.

– Пятерка бубей, – сказал Тедди.

– Простите? – Нэринг еще сильнее подался вперед.

– Это ваш очередной трюк? – сказал Тедди. – Вы мне сообщаете, какая карта у меня в руках. Хотя нет, подождите... вы распиливаете пополам медсестру и достаете кролика из шляпы доктора Коули.

– Никаких трюков.

– Еще вариант, – продолжал Тедди, у которого руки чесались оторвать эту голову-вишенку на жирных плечах. – Вы учите женщин проходить сквозь стены, воспарять над больницей, напичканной санитарями и охранниками, и улетать через морскую бухту.

– Отлично сказано, – подал голос Чак.

Нэринг в очередной раз медленно моргнул, что напомнило Тедди домашнего кота после кормежки.

– Повторюсь, у вас отменный защитный...

– Та-ак, приехали.

– ...механизм. Но суть в том...

– Суть в том, – перебил его Тедди, – что в этом учреждении вчера ночью совершено девять серьезных нарушений правил безопасности. У вас пропала пациентка, и никто даже не думает...

– Мы ищем.

– Без дураков?

Нэринг откинулся назад и взглянул на Коули так, что невольно возникал вопрос, кто же тут главный.

Коули перехватил взгляд Тедди, и его подбородок слегка порозовел.

– Доктор Нэринг, кроме всего прочего, является главным координатором по связям с нашим наблюдательным советом. Поэтому я его попросил рассмотреть ваши просьбы.

– Какие именно?

Нэринг чиркнул спичкой и, сложив ладони домиком, реанимировал потухшую трубку.

– Мы не выдадим личные досье нашего персонала, – отрезал он.

– Конкретно Шина, – сказал Тедди.

– Ничьи.

– Решили нас тормознуть?

– Я незнаком с этой терминологией.

– Может, вам стоит больше поездить?

– Пристав, продолжайте свое расследование, и мы вам поможем, чем можем, но...

– Нет! – рубанул Тедди. – Расследование закончено. Первым же паромом мы возвращаемся в город и подаем рапорт, после чего дело передадут, я так понимаю, гуверовским ребятам. Но это уже без нас.

Трубка Нэринга повисла в воздухе. Коули потягивал из стакана. В ушах звенел Малер. Где-то тикали настенные часы. За окнами усиливался дождь.

Коули поставил на столик пустой стакан.

– Как вам будет угодно.

Когда они вышли из дома, уже лило как из ведра, дождь барабанил по черепичной крыше, по камням внутреннего дворика, по черной крыше поджидавшего их автомобиля. Черноту разрезали косые серебристые лезвия. Машина стояла всего в нескольких шагах от крыльца, но они успели вымокнуть до нитки. Макферсон, обойдя капот и быстро шмыгнув за руль, встряхнул головой, отчего приборный щиток тут же сделался мокрым, и завел свой «паккард».

– Хороша ночка. – Он возвысил голос, чтобы перекрыть лязг «дворников» и барабанную дробь дождя.

Обернувшись, Тедди через заднее стекло увидел на крыльце размытые очертания двух фигур, провожающих взглядами отъезжавшую машину. Мимо ветрового стекла со свистом пролетела ветка, оторванная от дерева.

– В такую погоду собаку на улицу не выпустят, – сказал Макферсон.

– Давно вы здесь работаете? – спросил Чак.

– Четыре года.

– Раньше побеги бывали?

– Нет, бог миловал.

– А как насчет нарушения дисциплины? Скажем, человек пропал на час или два?

Макферсон помотал головой:

– Тоже не бывало. Нужно быть совсем уж ненормальным. Куда отсюда податься?

– А доктор Шин? – спросил Тедди. – Вы с ним знакомы?

– Само собой.

– Давно он здесь?

– Пришел на год раньше меня, если не ошибаюсь.

– Значит, пять лет.

– Вроде так.

– Он плотно работал с мисс Соландо?

– Я не в курсе. Вообще-то, ее ведет доктор Коули.

– Это в порядке вещей – главврач ведет дело пациентки?

– Ну... – Макферсон сделал паузу.

Они ждали, пока шлепали «дворники» и темные ветки склонялись к ветровому стеклу.

– По-разному бывает. – Макферсон помахал рукой охраннику у ворот, в которые въезжал «паккард». – Доктор Коули ведет многих пациентов в корпусе С. И еще несколько в других корпусах.

– Кого, кроме мисс Соландо?

Макферсон остановил машину перед мужским общежитием.

– Не возражаете, если я не стану выходить, чтобы открыть вам дверь? Поспите. Я уверен, доктор Коули ответит утром на все ваши вопросы.

– Макферсон, – позвал Тедди, открывая дверь.

Тот обернулся к нему через спинку кресла.

– У вас это не слишком удачно получается, – сказал пристав.

– Что «это»?

Тедди ответил ему мрачноватой улыбкой и выбрался наружу под проливной дождь.

Их поселили вместе с Треем Вашингтоном и еще одним санитаром по имени Бибби Люк. Комната была приличная, с парой двухъярусных кроватей и столом, за которым, когда они вошли, Трей и Бибби играли в карты. Вытерев мокрые головы белыми махровыми полотенцами, – кто-то оставил целую стопку на верхней кровати, – Тедди с Чаком придвинули еще пару стульев и присоединились к игрокам.

Играли в покер «по мелочи», и, если заканчивались монеты, в ход шли сигареты. Тедди раскрутил всех троих, взяв хороший прикуп, и в результате заработал пять баксов и восемнадцать сигарет на пиковом флеше. Сигареты он спрятал в карман и в дальнейшем играл с оглядкой.

Чак оказался настоящим игроком при всей своей внешней легкости, совершенно непредсказуемым, перед ним быстро выросла горка монет и сигарет, а потом и бумажек, и под конец он воззрился на нее с удивлением, словно не понимая, откуда что взялось.

– Пристав, у вас что, рентгеновские аппараты вместо глаз? – спросил Трей.

– Да просто везуха.

– Черта с два. Чё-то нам, придуркам, так не везет. Небось занимаетесь вуду.

– Может, просто придуркам не стоит дергать себя за мочку.

– Чего?

– Каждый раз, когда у вас на руках было меньше фула, вы дергали себя за мочку, мистер Вашингтон. – Чак показал пальцем на Бибби. – А этот придурок...

Все трое так и покатались.

– Он... погоди... он... у него zenки делаются как у белки... и перед тем как блефануть, он проверяет, сколько у кого жетонов... А когда у него сильная карта? Он сидит такой тихий-тихий, весь в себе...

Трей взорвался громким хохотом и хлопнул ладонью по столу.

– А пристав Дэниелс? Он как себя выдает?

Чак усмехнулся:

– Хотите, чтобы я сдал своего напарника? Нет уж, дудки.

– Колитесь! – Бибби тыкал пальцем в них обоих.

– Нет, увольте.

– Ага, ясно, – сказал Трей. – Все белые заодно.

Чак потемнел лицом и так на него посмотрел, что в комнате вдруг стало нечем дышать. У Трея запрыгал кадык, он уже было поднял руку, чтобы извиниться, как вдруг Чак произнес:

– А то. Одна компашка. – И рот его растянулся до ушей.

– Во придурок! – Трей хлопнул его по руке.

– При-ду-рок! – поддакнул Бибби.

– Ублюдок, – сказал Чак, и все трое захихикали, как маленькие девочки.

Тедди подмывало включиться в общее веселье, но он решил, что это выйдет ненатурально, вроде как чужак хочет показаться своим в доску. А как же Чак? У него это выходило как-то само собой.

– И что же выдавало меня? – спросил Тедди у Чака в темноте, когда они лежали в своих кроватях. В другом конце комнаты Трей и Бибби соревновались в храпе. Дождь за окном в последние полчаса несколько утих, словно копя силы или дожидаясь подкрепления.

– В карты? – уточнил Чак с нижней кровати. – Проехали.

– Нет. Я хочу знать.

– Ты ведь считал себя хорошим игроком, да? Признайся.

– Я считал себя неплохим игроком.

– Ошибочка вышла.

– Ты меня сделал.

– Да ну, заработал несколько баксов.

– Твой отец был игрок, я правильно понимаю?

– Мой отец был придурок.

– Извини.

– Ты тут ни при чем. А твой?

– Отец?

– Нет, дядя. Отец, кто ж еще.

Тедди попытался представить его в темноте, но увидел лишь руки в шрамах.

– Он был всем чужой, – сказал Тедди. – Даже моей матери. Он себя-то не понимал. Отождествлял себя со своей моторкой. И когда ее потерял, то и сам потерялся.

Чак никак не отреагировал, и Тедди решил, что его напарник спит. Вдруг он увидел отца целиком, сидящим на стуле дни напролет, когда не было никакой работы, – человека, которого всосало окружающее пространство.

– Эй, босс!

– Ты еще не спишь?

– Мы правда пакуем чемоданы?

– Да. Ты удивлен?

– Никаких обвинений, просто... не знаю, как сказать...

– Ну?

– Я еще никогда не отступал.

Тедди какое-то время лежал молча, а затем произнес:

– Мы не слышали ни слова правды. Не приблизились к ней ни на шаг, не за что зацепиться, неизвестно, как заставить их говорить.

– Да знаю, знаю. Логика железная.

– Но?

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

«Восьмерка» – солдат, комиссованный из американской армии по восьмой статье: «Серьезное умственное расстройство». (Здесь и далее прим. перев.)

2

УСС – Управление стратегических служб США.

3

Домино Антуан Доминик по кличке Толстяк – чернокожий исполнитель блюзов и рок-н-ролла из Нового Орлеана.

Купить: <https://telnovel.com/dennis-liheyn/ostrov-proklyatyh-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)